

Агния СКАЗКА,
ХЕЛЕН ГУДА

ДВАЖДЫ
ПОПАДАНКА,
ИЛИ НИТИ СУДЬБЫ

**Агния Сказка
Хелен Гуда
Дважды попаданка,
или нити судьбы**

<https://litres.ru/74391122>

Аннотация

Вы когда-нибудь умирали? Нет?

А вот я — дважды.

И скажу я вам, нет в этом ничего приятного. Первый раз я погибла из-за собственной глупости и склочного нрава, а вот второй раз — спасая детей. Но давайте обо всем по порядку. Итак...

Книга участвует в литмобе "Печать судьбы"

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	14
Глава 2.	28
Глава 3.	42
Глава 4.	55
Глава 5.	69
Глава 6.	83
Глава 7.	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Пролог.

Вы когданибудь умирали? Нет? А вот я дважды.
Первый раз я погибла из-за собственной глупости и

склочного нрава, а вот второй раз спасая детей. Но давайте расскажу обо всем по порядку. И так...

В то утро ничего не предвещало беды. День начался как обычно в детском саду номер сорок три в столице Севера. Я пришла затемно, пока город только зажигал желтые огни в февральской тьме. Проветрила, протерла пыль, приготовилась встречать своих деток. Потом были их голоса, топот маленьких ног, каша, размазанная по лицу, и смех. Сашка, серьезный и голубоглазый, вручил мне рисунок.

— Это вы, Арина Витальевна. И я. И мы держимся за руки. Я вас очень люблю. Когда вырасту, то женюсь на вас.

У меня перехватило дыхание. Я прижала листок к груди, ощущая, как что-то горячее и щемящее поднимается к горлу.

— Спасибо, солнышко, но я уже буду стара.

— Ничего, главное что вы добрая, — ответил мальчик, и убежал, а я усмехнулась своим мыслям. Если бы он знал меня в прошлой жизни. Тогда я была настоящим монстром. Изводила своих младших сестер и братьев, племянников, слуг, да вообще всех, кто имел несчастье быть в зависимом от меня положении. Я была настоящим исчадием ада и поплатилась за это. Сейчас же все по другому. Я извлекла урок и получив возможность начать жизнь заново сделала все, чтобы не быть похожей на ту себя.

После прогулки, я уложила их спать. Почитала «Дикие лебеди» — шепотом, хотя это и не полагалось. В правилах

не было места для магии сказок перед сном. Но их полуоткрытые рты, любопытство во взгляде... Это была моя магия. Моя семья.

Нянечка Алёна кивнула:

— Я посижу, Арина Витальевна, идите.

В ее глазах я прочла то же усталое понимание: в спальне было холодно. Не просто прохладно, а по-настоящему холодно. Дети спали в пижамах и носочках, укрытые двумя одеялами, а из старых, разошедшихся рам все равно тянуло ледяными нитями сквозняка. Батареи под окнами были лишь слегка теплыми. Я потрогала их ладонью, сильнее укуталась в шаль и пошла в сторону кабинета заведующей.

Удивительно, но в коридоре было значительно теплее, хоть сюда детей выводили после сна. А все потому что окна заменили на пластиковые.

В кабинет Веры Павловны пахло дорогими духами, кофе и властью. Она сидела за огромным столом, изучая бумаги, и даже не подняла головы, когда я вошла.

— Вера Павловна, нам нужно поговорить. О температуре в группе.

— Опять? — она вздохнула, отложила ручку. Ее взгляд был усталым и раздраженным. — Соколова, мы это уже обсуждали. Финансирование урезано. Терпите.

— Дети не могут терпеть! — голос мой сорвался, став выше, чем я хотела. Я сделала паузу, сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как по спине бежит знакомая, едкая волна гнева.

Со склочным нравом, доставшимся от прошлой жизни, я боролась каждый день. Но сейчас это был не гнев, а отчаяние. — У нас +15, Вера Павловна. Из окон дует так, что занавески колышутся. Они мерзнут. Они простужаются.

— И что вы хотите, чтобы я сделала? — заведующая развела руками, широким, театральным жестом. — Вызвать шамана, чтобы он духи окон успокоил? У нас в плане на лето замена части труб и ремонт котельной. На окна, возможно, тоже выделяют. Но это будет летом. А сейчас февраль.

— Но это невыносимо! Мы одеваем их как капусту, но они же не могут в верхней одежде ходить по группе!

— А вы что думали? — ее голос стал холодным и колючим. — Это не элитный частный сад. Это муниципальное учреждение в «столице Севера», как вы любите ее называть. Тут всем холодно. Учитесь работать в имеющихся условиях.

— Условия — это дети, которые плачут от холода! — Я сделала шаг вперед, чувствуя, как старые демоны рвутся наружу. Хотелось кричать, хлопнуть дверью. Но я сглотнула ком в горле. — Можно хотя бы временные обогреватели? Утеплить окна хоть как-то?

— На обогреватели нет денег в смете. А если поставите самодельные и что-то случится? Вы об этом подумали?

— да не ставили мы никакие, — удивленно нахмурилась.

— Да что вы говорите? — усмехнулась воспитательница. — У нянечки своей спросите, если не в курсе и не нужно мне тут глазами хлопать невинными. Привыкли, что прикрывае-

тесь своим детдомовским прошлым, и требуете везде и всюду, со мной такое не прокатит. — она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то гадкое. — Выбирайте, Соколова: или окна, или трубы. На все денег не хватит. И прекратите, наконец, бегать сюда с этими жалобами. У меня отчетность, проверки, а вы со своими... — она запнулась, и ее взгляд скользнул по моей простой кофте, по рукам без маникюра. — ... со своими претензиями. Привыкли права качать, будто вам все должны. Сами для разнообразия что-то сделали бы. Организовали родителей, чтобы они окна заменили, если у них дети так уж часто мерзнут, — слова ударили, как пощечина. — И вообще скажите спасибо, что я вам премию не урезаю, а то возомнили о себе, невесть что. Вчера техникум закончили и туда, же.

Вся кровь отхлынула от лица, потом прилила обратно, горячая и густая. Гнев, горький и знакомый, закипел во мне. Я хотела крикнуть ей в лицо все, что думаю о ее «благодарности», о ее теплом кабинете и духах, пока дети дрожат. Хотела хлопнуть дверью так, чтобы стекла задребезжали.

Но я увидела перед собой не Веру Павловну. Я увидела Сашкин рисунок. Улыбающееся солнце. «Я вас очень люблю».

Я медленно выдохнула. Мои кулаки разжались.

— Хорошо, — сказала я тихо, почти беззвучно. — Я все поняла.

Я повернулась и вышла, не хлопнув дверью. В коридоре я

прислонилась к холодной стене, закрыв глаза. Стыд и бессилие жгли изнутри. Я проиграла. Опять. Я подвела их. Своих ребят.

С чувством тяжелого, ледяного кома под ложечкой я побрела обратно в группу. Алёны на месте не было — наверное, вышла. Любила она сбегать покурить, пока дети спали. Ох уж эти дурные привычки. Я неоднократно ей говорила не оставлять детей одних, ни при каких обстоятельствах. Помнила последний день в своей прошлой жизни и повторения очень боялась.

В группе было тихо. неестественно тихо. И тут я почувствовала *запах*. Сначала едва уловимый — сладковатый, приторный. Потом явственнее.

Гарь. Горелое.

И весь мой гнев, все обиды, вся леденящая беспомощность мгновенно испарились, сменились чистым, животным ужасом. Сердце упало в пятки, а потом забилось где-то в висках, бешеным, тревожным гулким стуком. Я бросилась в спальню...

В спальне стоял густой, сладковатый дым. Не успев толком осознать запах, я инстинктивно втянула воздух носом — пахло горелой ватой и пластиком. Откуда? Сердце колотилось где-то в горле.

— Алёна? — тихо позвала я нянечку. — Алёночка?

Ответом была зловещая тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием двадцати пяти спящих малышей. И легкий,

едва уловимый треск — как будто где-то рвалась тонкая бумага.

Я шагнула внутрь, и начала шарить взглядом по помещению в поисках источника треска и запаха. Из-за большой старинной тумбы, где мы хранили запасные одеяла, выползала струйка дыма. Она извивалась в воздухе, как серая змея, и поднималась к потолку. Я точно помнила что та розетка была нерабочей и лично ставила в нее заглушку. Потому эту тумбу то туда и поставили, чтобы спрятать от глаз проверок не рабочую розетку.

Искры не было видно, только этот черный, расползающийся след на обоях и этот ужасный, нарастающий треск.

— Господи...

Мозг отказался работать. Ноги стали ватными. А потом, как по щелчку, включилось всё: инструктажи, которые я всегда считала скучной формальностью, мой собственный инстинкт и ясное, холодное понимание: пожарная сигнализация в этом крыле на ремонте. Не работает. Никто не придет. Только я.

— ДЕТИ! ВСТАВАЙ! — мой крик в тихой спальне прозвучал как гром. Несколько малышей вскочили, испуганно заморгав. Большинство просто кряхтело, уткнувшись в подушки. Я бросилась к ближайшим кроваткам, начала стаскивать одеяла, трясти за плечи.

— Машенька, Вовка, вставайте скорее! Играем в пожарных, бежим на улицу! Быстро-быстро! Кто последний, тот

пороссячий хвостик.

Дым становился гуще. Он уже не полз, а наполнял комнату, щекотал горло. Кто-то из детей закашлялся. Я увидела испуганные, сонные глаза Саши, того самого, что утром подарил мне рисунок с улыбающимся солнцем и надписью корявыми буквами: «ЛЮБЛЮ АРИНУ».

— Ничего не берите! Все встали и за мной! Держитесь за рубашку! — командовала я, сгребя в охапку двух самых младших, которые плакали и не могли встать. Дым ел глаза. В коридоре было чище, но пахло уже не просто гарью, а чем-то химическим, едким. Пластик. Проводка.

Я толпой вывела детей в раздевалку, в нашу группу. Здесь, у выхода, воздух был еще свеж. Посчитала на автомате — двенадцать. Где остальные? В спальне!

— Стоять здесь! Не двигаться! Я сейчас! — и я снова нырнула в дымный коридор. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот разорвет грудную клетку. Мысль о заведующей, о нашей ссоре, о словах «детдомовка» пронзила мозг как игла. Да, я детдомовка. У меня нет своей семьи. Но эти дети — сейчас они моя семья.

В спальне было уже нечем дышать. Двое малышей сидели на полу, обнявшись, и тихо плакали. Трое еще спали, отравленные угарным газом. Я, кашляя и вытирая слезящиеся глаза, задрала подол свитера на лицо и кинулась к ним.

Одного за другим, как мешки с мукой, я вытаскивала их в раздевалку. В глазах плыло. В ушах звенело. Последней

я вынесла крошечную Лидочку, завернутую в ее же одеяло. Сбросила ее в общую кучу испуганных, но живых ребят-шек.

– Все... Все здесь? — хрипела я, пытаюсь перевести дух.

В этот момент в дальнем конце коридора, откуда валил самый густой дым, с грохотом вылетела дверь на чердак, и пламя, ярко-оранжевое и жадное, лизнуло потолок. Возгорание началось на чердаке? Но почему?

– На улицу! Бежим!

Я распахнула наружную дверь. Лютый февральский воздух ударил в лицо, чистый и обжигающе холодный после дыма. Дети, полураздетые, в пижамах и носочках, послушно высыпали на снег. Я выталкивала последних, оглядываясь — все ли вышли.

– Там Барсик, — заплакала Настя.

– Какой Барсик? — растерянno переспросила и снова окинула всех детей взглядом. Все были на месте.

– Мой котенок, — уже в голос заплакала малышка. — Я его утром принесла и в шкафчике спрятала.

– Котенка? — у меня глаза полезли на лоб.

– Да, живого, — заголосила девочка.

Тут к нам подскочила Алена, которая и в самом деле была улице, с нянечкой из другой группы. Все уже эвакуировались, и отводили детей подальше от здания сада.

– Алена, уводи детей, — крикнула я нянечке.

– Арина, а ты куда? — девушка неверяще уставилась на

меня. – С ума сошла.

– Я быстро, – крикнула я и нырнула в здание. Всего на секунду. Схватить его и выскочить. Я на одном дыхании пробежала лестницу, открыла дверь в нашу группу, уже нагнулась, чтобы заглянуть под вешалку...

Ослепительная вспышка. Оглушительный грохот. Что-то горячее и тяжелое ударило меня в спину и отбросило вперед, в темноту. Я не почувствовала боли. Успела лишь ухватиться за амулет, что когда-то меня спас, словно бы и сейчас он должен был мне помочь. Ощутила только теплую волну и всепоглощающий гул, в котором утонули детские крики на улице, вой сирен и собственное сердце.

Так я умерла во второй раз. Спасая детей. И котенка.

А потом... потом было тихо. И бело. Как в тот самый снег, в который выбежали мои ребяташки.

Глава 1.

Первое что я увидела когда открыла глаза, это знакомый узор лепнины на потолке своей спальни в усадьбе Грейстоун. Воздух пах не прахом или гарью, а цветами, что поставили мне вчера вечером в комнату, а еще я улавливала тонкие нотки аромата воска для паркета.

Я лежала, не дыша, слушая бешеный стук в висках. Он совпадал с биением сердца. Живого. Теплого.

Пальцы сами потянулись к лицу, к глазам, будто пытаюсь стереть наваждение. Но бархат ресниц, тепло собственной кожи под подушечками пальцев — все было осязаемо, невыносимо реально. Где-то внутри меня сжалась микроскопическая надежда.

Сегодня.

Сердце рванулось в горло, сдавив его. Я вскочила с кровати так резко, что кружевной подзор зацепился за пятку и с треском порвался. Но я уже не обращала внимания. Ноги понесли меня через комнату к высокой дубовой двери. Каждая ворсинка ковра, которую я ощущала голыми ступнями, каждый луч солнца, падающий сквозь щель в шторах, кричал об одном: это не сон. Это не посмертный бред. Это — утро.

Утро моего восемнадцатилетия.

День, когда я впервые умру.

Рука сжала холодную бронзовую ручку. Я рванула дверь на себя.

За порогом, поднос с серебряным колпаком и фарфоровым чайником в руках, замерла Элис. Маленькая, тщедушная, в чепце и переднике, с глазами, привыкшими смотреть в пол.

Столкновение было неизбежным. Поднос взлетел в воздух с жалобным лязгом. Фарфоровый сервиз «Лавандовые поля», фамильный, выписанный матушкой из столицы, разбился о паркет сотней острых осколков. Пятно горячего шоколада, темное и густое, растеклось по светлому дереву, как кровь. Аромат миндаля и сливок смешался с запахом страха.

Элис вскрикнула, отпрянула, и лицо ее стало цвета молочного киселя. Глаза, круглые от ужаса, уставились на меня, а потом на осколки у ее ног — на материальное доказательство ее мнимой вины.

– П-простите, миледи! Простите! Я неловкая, я дура, я...

Ее голос сорвался в визгливый шепот. Она не стала подбирать осколки. Не стала. Она рухнула на колени прямо в лужу шоколада, не обращая внимания на мокрые пятна на форме. Ее худенькие плечи затряслись, а лоб почти коснулся паркета в низком, униженном поклоне.

– Помилуйте, миледи, не велите меня сечь! Я все уберу, я все вычищу, я... я заплачу за сервиз, хоть отработаю всю жизнь, только...

Ее слова, липкие и быстрые, как мухи, бились о тишину

коридора. А в моей голове... В моей голове щелкнул затвор.

Вспышка. Я, в этом самом платье, бью Элис по лицу за недокрахмаленный воротник. Мое лицо искажено гримасой брезгливого гнева. *Вспышка.* Голос, мой же, но чужой, холодный и высокомерный, доносится с балкона во внутренний двор: «За дерзость. Десять ударов розгами. Чтобы другим неповадно было». *Вспышка.* Спина Элис под тонкой рубашкой, красная от полос, а я, отвернувшись, пью чай с брусничным вареньем, слушая, как отец хвалит меня за «строгость, подобающую хозяйке поместья».

Тошнота, острая и кислотная, подкатила к горлу. Это не просто память. Это я. Это то, кем я была. Тот монстр, в чьей груди теперь бьется это новое-старое сердце.

– Элис.

Ее собственное имя, произнесенное мной, прозвучало хрипло. Служанка вздрогнула, будто от удара, и замерла, не поднимая головы.

– Элис, встань.

Она не двинулась. Лишь плечи задрожали сильнее. Она ждала подвоха. Ждала, что я засмеюсь и прикажу стегать ее за то, что она осмелилась меня послушаться.

Я сделала шаг вперед, минуя осколки. Паркет был холодным под босыми ногами. Я наклонилась, медленно, чтобы не спугнуть, и коснулась ее дрожащего плеча. Она вздрогнула всем телом, как затравленный зверек.

– Встань, пожалуйста. Это я... я виновата. Я выскочила

слишком резко.

Тишина повисла густая, звонкая, как тот разбитый фарфор. Элис медленно, с недоверием смертника, получившего неожиданное помилование, подняла голову. Ее глаза, полные слез, смотрели на меня с таким немым вопросом, с такой бездонной пустотой страха, что мое сердце сжалось в комок боли.

Я видела в этих глазах не просто испуганную девушку. Я видела призрак. Призрак себя. Той, для кого чужая боль была всего лишь инструментом для утверждения своей ничемной власти.

— И... и не плати ни за что, — выдавила я из себя, пытаюсь сделать голос мягче. Он все равно звучал чуждо и неровно. — Просто... пришли потом кого-нибудь убрать. И принеси мне, пожалуйста, простой чай. Любой.

Элис медленно поднялась с колен, не сводя с меня растерянного взгляда. На ее переднике остались темные влажные пятна. Она кивнула, быстрый, механический кивок, и, пятясь, словно от королевской кобры, скрылась в полумраке коридора.

Я осталась стоять среди блестящих осколков и растекающегося шоколада, в одиночестве. Дыхание сбивалось.

Это был не просто возврат. Это был суд. И палачом, и свидетельницей, и подсудимой в этом процессе была я одна. А до вечера, до той самой первой смерти на темной лестнице в саду, оставались считанные часы.

Часы, чтобы попытаться стать кем-то иным. Или принять свою участь и погибнуть снова — но уже с открытыми глазами, глядя в лицо всему, что я натворила.

Я закрыла дверь, прислонилась спиной к прохладной дровесине и зажмурилась. Шум в ушах медленно стихал, уступая место тишине спальни. Тишине, которую я так ненавидела раньше. Теперь же она казалась не гнетущей, а хрупкой и драгоценной — как передышка перед бурей.

Мои босые ноги медленно понесли меня обратно вглубь комнаты. На этот раз я не бежала. Я шла, и каждый шаг был осознанным прикосновением.

Солнечный луч, упал на спинку кресла у камина. Я провела ладонью по резному дереву, ощутив знакомые, почти стертые временем завитки. Как часто я, будучи той — холодной, — откидывалась здесь, глядя в огонь с пустым, высокомерным выражением лица? Теперь я видела не просто предмет мебели, а свидетель тысяч одиноких вечеров, наполненных не любовью, а тщеславием и скукой.

Я подошла к окну и медленно, почти с благоговением, отдернула занавес. Свет хлынул внутрь, заливая комнату теплым янтарным золотом. Он играл на пылинках, танцующих в воздухе, освещал выцветшие цветы на обоях, ложился на покрывало из тончайшего льна. Я смотрела на свою кровать — широкую, роскошную, одинокую. Теперь я видела не символ статуса, а крепость, в которую отступала, чтобы никто не видел, как пусто и холодно внутри у той девушки, что спала

здесь.

Сердце сжалось от внезапной, острой нежности к этим стенам. К этой комнате, которая была и тюрьмой, и убежищем для моей прошлой жестокой души. Я поняла, что люблю ее. Люблю каждый запыленный уголок, каждую трещинку в лепнине. Потому что это было единственное место, где «она» — прежняя я — могла быть хоть немного настоящей. Или хотя бы думать, что может.

Целью моего медленного шествия было изящное трюмо из орехового дерева, стоявшее в углу. На его полированной поверхности лежали серебряные щипцы для завивки, флакончики с духами, которые пахли теперь не роскошью, а тоской. Я опустилась на низкий пуфик перед ним и провела пальцами по резной панели сбоку. Знакомое движение, отточенное годами тайны. Нажала на незаметную глазу выпуклость розы — и тихий щелчок отозвался в тишине.

Небольшой ящик бесшумно выдвинулся. Внутри, на бархатной подложке, не было украшений. Лежала только одна вещь: толстая тетрадь в темно-синем сафьяновом переплете, перетянутая шелковой лентой.

Мой дневник. Сокровищница моих самых постыдных, самых искренних — и потому самых жестоких — мыслей.

Руки слегка дрожали, когда я развязала ленту и открыла обложку. Первые страницы были исписаны тщательным, вычурным почерком. Письмо юной леди, гордящейся своим умением красиво излагать пустоту.

«Отец сегодня снова хвалил меня за то, как я обошлась с конюхом. Мальчишка действительно был дерзок, осмелился взглянуть на меня прямо. Я приказала высечь его на конюшне. Крики были... мелодичны. Они доказывают мое положение. Отец сказал, что во мне растет настоящая хозяйка Грейстоуна. Он прав. Слабость — удел плебеев. Матушка, как обычно, не сказала ни слова. Она весь вечер играла с Лилиан на арфе. Мне кажется, она даже не помнит моего имени, если я не совершаю какую-нибудь выходку на людях...»

Я читала, и каждая строчка обжигала, как раскаленное железо. Там не было ни сомнений, ни угрызений совести. Только холодный расчет, гордость за причиненную боль, жажда одобрения отца, которого я боялась и боготворила одновременно. И горечь. Глубокая, черная, как колодец, горечь от материнского равнодушия. Ее любовь, вся без остатка, доставалась Лилиан — моей младшей сестре, хрупкой и доброй, единственному светлому существу в этом доме. Я завидовала ей белой, яростной завистью. И одновременно обожала. В дневнике это отражалось в резких перепадах: на одной странице — злые замечания о ее «слащавости», на другой — трепетные описания, как она смеялась или дарила мне сплетенный из полевых цветов венки.

Чем дальше я листала, тем больше жестокости. Каждая похвала отца за «строгость» была кнутом, гнавшим меня в пропасть. Я превращала боль других в свою броню, в единственный способ почувствовать себя значимой. А потом...

потом я отложила дневник и нашла между страниц сложенный вдвое лист тонкой бумаги.

Развернув его, я замерла.

Это был карандашный набросок, мастерски выполненный. На нем был изображен молодой мужчина с гордым, тонким лицом, высоким лбом и пронзительным взглядом. Принц Казимир. Его портрет, тайком срисованный мной с официальной миниатюры.

Рядом с портретом, уже моим почерком, но более нервным и сжатым, как будто слова вырывались против воли:

«Он смотрит сквозь толпу. Как будто ищет кого-то. Может быть... меня? На балу в честь его приезда я буду самой ослепительной. Я должна. Он должен выбрать меня. Он — мой выход. Мой билет из этой клетки в настоящую жизнь, в мир, где меня будут обожать не из страха, а по праву. Я стану его принцессой. Я буду рядом с тем, кто достоин величия. И тогда... тогда, может быть, даже ма-тушка посмотрит на меня. Тогда я наконец смогу дышать».

В этих строках не было ни капли любви. Была отчаянная, голодная амбиция. Он был не человеком, а символом. Спасительным якорем для тонущей в собственном яде души. Брак с ним — высшая форма одобрения, окончательная победа над своим ничтожеством.

Я встала, прошла по комнате и села в кресло, откинувшись на спинку, прижимая портрет к груди. Передо мной стояли два призрака. Одна — девушка с дневником, чье

сердце было сковано льдом от жажды любви, превратившейся в ненависть ко всем, кроме одной хрупкой сестры. Другая — женщина из иного мира, прожившая двадцать лет в свете, научившаяся любить, жертвовать, и отдавшая свою вторую жизнь, спасая чужих детей из огня пожара.

Они смотрели друг на друга сквозь время и смерть. И я была ими обеими.

Секундная стрелка на каминных часах неумолимо отсчитывала время до вечера. До роковой лестницы в саду, где судьба должна была свести счеты с жестокой наследницей Грейстоуна.

Но теперь на эту лестницу должна была выйти не она. Теперь на нее должна была выйти я — с памятью о другой жизни, с дневником ужасов в руках и с огнем чужим, но таким родным, в только что вернувшемся сердце. Я не могла просто принять смерть. Я должна была попытаться распутать этот узел. Начать с малого. С Элис. С Лилиан.

Я аккуратно сложила портрет принца, перевязала дневник лентой и положила его обратно в тайник. Закрыв ящик, я подняла взгляд на свое отражение в зеркале трюмо.

В этих глазах больше не было холодного высокомерия. В них был ужас. Боль. И решимость.

День моего восемнадцатилетия только начинался. И я, похоже, собиралась прожить его не так, как было предназначено.

Я могу вычеркнуть написанное, но могу начать новую гла-

ву. Сейчас. С этого чая.

Как по заказу, раздался тихий, почтительный стук в дверь.

– Войдите, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и мягко.

Дверь приоткрылась, и в щель проскользнула Элис. Она несла простой оловянный поднос с белой фарфоровой чашкой и небольшим чайником – ничего общего с разбитым шедевром «Лавандовых полей». Ее движения были скованны, взгляд по-прежнему не решался подняться выше моих тапочек.

– Миледи... ваш чай, – она быстро, почти бесшумно, поставила поднос на прикроватный столик и сделала шаг назад, приготовившись к бегству.

– Спасибо, Элис, – произнесла я. Она вздрогнула от простой благодарности. – Не уходи, пожалуйста. Мне... нужно кое о чем спросить.

Она замерла, будто приросла к полу.

– Как дела в поместье? Все готово к... – я запнулась, – к моему дню рождения ?

Элис кивнула, не поднимая глаз.

– Так точно, миледи. В бальном зале уже все убрано, цветы привезли из оранжереи. Повара с самого утра...

– Отец, – перебила я ее, не в силах выносить перечисление праздничных приготовлений. – Он уже встал?

– Его светлость граф уже спустился в кабинет, – ответила Элис чуть живее. – Он приказал оседлать «Громоваго». Со-

бирается ехать в столицу, к Его Величеству.

Ледяная рука сдавила мне горло. *В столицу. К королю. Сегодня.*

И тут, как вспышка, память выбросила обрывок. Не из дневника, не из жизни жестокой наследницы. А из туманных, едва уловимых глубин того *будущего*, что я уже прожила и потеряла. Как будто кто-то прошептал на ухо.

«Конюх новый. Молодой, горячий. Отец хвалил его за смелость... а «Громовой» с утра хроمال на левую переднюю. Но кто посмеет доложить графу, что его любимец не в форме?»

В моей прошлой – будущей? – жизни этого эпизода не было. Или я его не заметила, поглощенная своими интригами и подготовкой к балу. Но теперь знание впилося в мозг, холодное и отчетливое.

Отец мой, граф Грейстоун, был отменным наездником, но вспыльчивым и нетерпеливым. Если конь захроمال... а новый конюх, жаждущий доказать свою удаль, мог скрыть это, побоявшись гнева господина. Или, что хуже, мог недооценить травму.

– Элис, – голос у меня сорвался. – Новый конюх... как его?

– Миледи? – она растерянно подняла на меня глаза.

– Тот, что приставлен к «Громовому»? Как зовут?

– Э-это Марк, миледи, – прошептала она, глаза округлились от страха перед неожиданным вопросом. – Он с про-

шлой недели... Вы же сами... – она запнулась, покраснела и опустила взгляд.

Я сама. Конечно. Я сама когда-то приказала выпороть его предшественника за какую-то мелкую оплошность. А этот Марк, должно быть, дрожит от страха, как и Элис.

– «Громовой»... он сегодня в порядке? – спросила я, пытаясь скрыть нарастающую панику.

Элис пожала плечами, смущенно.

– Не могу знать, миледи. Но слышала утром, как старый Гарет, главный конюх, ворчал. Не знаю на Марка ли. Да он всегда ворчит.

Этого было достаточно. Картина сложилась. Отец в ярости из-за возможной задержки, ведь впереди встреча с королем, самонадеянный и неопытный конюх, скрывающий проблему, и конь, который не просто захромал, а, возможно, подвернул ногу на ухабе. Вспышка гнева, резкий удар шпорами, потеря управления на крутом спуске у Каменного моста, который отец всегда проезжал на скорости...

В моей памяти, чужой и родной, промелькнул образ: черный плащ, развевающийся на ветру, и дикий, испуганный храп коня, несущегося к обрыву. И тишина после.

Это было *тосамое* «что-то», что должно было случиться сегодня. Не со мной. С ним.

И в моей прошлой жизни, жизни монстра, я, узнав об этом, почувствовала бы не ужас, а ледяное, расчетливое удовлетворение. Наконец-то власть, титул, полный контроль над

Грейстоуном... и никаких больше упреков, никакой необходимости заслуживать одобрение. Я бы, наверное, приказала надеть траурное платье с еще более тонким кружевом, чтобы подчеркнуть бледность лица.

Теперь же мысль об этом наполнила меня таким животным, всепоглощающим страхом, что перехватило дыхание.

– Элис, – сказала я, и мой голос прозвучал чужим, сдавленным. – Мне нужно вниз, к отцу. Сейчас же.

Не дожидаясь ответа, я сорвалась с места, на ходу накидывая на ночную сорочку первый попавшийся пеньюар. Я не думала о приличиях, о том, как это выглядит. Часы, минуты, возможно, секунды тикали в висках вместе с бешеным стуком сердца.

– Миледи, ваши волосы... батюшка... – испуганно залепетала Элис, пытаясь поспеть за мной.

Но я уже вылетела в коридор, босые ноги шлепали по прохладному паркету. Я мчалась по лестнице, сердце колотилось где-то в горле. Я должна была успеть. Не позволить ему сесть в седло. Не позволить той тени из возможного будущего стать реальностью.

Это был не акт дочерней любви – той любви здесь не было и никогда не будет. Это был первый, отчаянный вызов той судьбе, что свела счеты со мной. И первой попыткой испить хотя бы одну каплю из того моря жестокости, что я разлила вокруг себя.

Я не спасла отца в той, прошлой жизни. Но в этой... я

обязана была попробовать.

*Тринадцать талантливых авторов
приглашают Вас в потрясающий литмоб 16+ «Печать
судьбы»!*

<https://litnet.com/shrt/saE->

Одно касание магического украшения, и хрупкий мир героини рушится, как карточный домик.

Глава 2.

Лепет Элис остался где-то позади, за спиной. Я неслась вниз по широкой парадной лестнице, обжигая босые ступени о холодный мрамор. Сердце стучало где-то в горле, отдаваясь глухим эхом в ушах.

И вот я в вестибюле – высоком, холодном, полном безмолвных портретов предков. Огромные дубовые двери были распахнуты настежь. С крыльца доносилось нетерпеливое фыркание коня и глухой топот копыт о брусчатку.

Я выбежала на солнце.

Отец уже был в седле. «Громовой» под ним, вороной исполин, нервно перебирал ногами, и я, затаив дыхание, тут же поймала едва уловимую хромоту на левую переднюю. Конь чуть припадал, почти незаметно. Но мое сердце, натренированное годами чужого опыта на мелочах и подвохах, сжалось в ледяной ком.

Граф Грейстоун, в бархатном камзоле и дорожном плаще, выглядел как грозная гравюра: прямой, властный, с лицом, высеченным из гранита. Его взгляд, скользнув по моей фигуре в ночной одежде и пеньюаре, выразил лишь презрительное недоумение.

– Ариана? – его голос прозвучал как удар хлыста по тишине утра. – В таком виде? У тебя сегодня важный день, а не детские игры. Тебе уже не по статусу выскакивать на улицу

в таком виде.

Марк, тот самый конюх, бледный как полотно, стоял у стремени, не смел поднять глаз. Страх витал вокруг него почти осязаемо.

Мозг лихорадочно искал выход. Просто крикнуть: «Конь хромает!»? Отец, с его гордыней, скорее всего, приказал бы заменить «Громового», а Марка выпороть за сокрытие – это был бы прямой путь к ненависти, к еще одному сломанному судьбой человеку в моем послужном списке.

Нужно было иначе. Отвлечь. Изменить маршрут событий кардинально.

– Отец, – выдохнула я, делая шаг вперед. Голос дрожал, но не от страха перед ним, а от адреналина и спешки. – Я... я прошу вас. Возьмите меня с собой.

В воздухе повисло ошеломленное молчание. Даже «Громовой» на секунду замер. Марк украдкой поднял на меня взгляд, полный немого ужаса.

– С тобой? – отец медленно, словно не веря своим ушам, повторил. Его брови поползли вверх. – Ты совсем спятила, девочка? Сегодня твое восемнадцатилетие. Вечером бал. Принц будет здесь. Ты должна быть здесь, готовиться, сиять, а не тащиться по пыльной дороге в столицу!

– Но мы же вернемся к вечеру! – возразила я, цепляясь за эту мысль как утопающий за соломинку. Внутри все кричало, что это безумие. Но это было единственное, что пришло в голову. – Вы сами говорили, что аудиенция у короля – де-

ло нескольких часов. Я... я хочу быть рядом. Хочу увидеть, как вы ведете дела. Я наследница Грейстоуна, – добавила я, вкладывая в эти слова не привычную высокомерную интонацию, а отчаянную серьезность. – Мне пора учиться. Не из книг. А из жизни.

Он смотрел на меня долгим, испытующим взглядом. В его глазах мелькали разные эмоции: раздражение, недоумение, и... слабый, едва уловимый проблеск чего-то, что могло бы быть удивлением или даже смутным подобием одобрения. Он привык к моим капризам, к требованию внимания, но не к такому – странному, почти взрослому желанию разделить с ним обязанности.

Потом уголок его рта дрогнул в чем-то, отдаленно напоминающем усмешку.

– Ты хочешь ехать со мной? Сейчас? – Он бросил взгляд на мой пеньюар и босые ноги. – В *этом*?

– Я соберусь за пятнадцать минут, – выпалила я, не отводя глаз.

Он громко рассмеялся – коротко, сухо, без тени веселья.

– Пятнадцать минут? Ариана, ты никогда не собиралась меньше часа даже на утреннюю прогулку. Ты теряешь счет времени в своих нарядах и прическах.

– Дайте мне шанс, – прошептала я. – Пожалуйста. Если я опоздаю хоть на минуту – я останусь. И не буду больше надоедать.

Он покачал головой, все еще с той же усмешкой, но в его

взгляде появился азарт, вызов.

– Хорошо. Пятнадцать минут. С этой секунды. – Он бросил взгляд на большие солнечные часы в центре двора. – Но я не буду ждать тебя верхом. Гарет! – крикнул он старому конюху, который появился из тени конюшен. – Запряги открытый экипаж. «Дочери» графа Грейстоун будет удобнее ехать в карете.

В его голосе звучала насмешка. Он был абсолютно уверен, что я не успею. Что это просто очередная причуда, которая рассосется сама собой, когда я осознаю невозможность задачи.

Но для нынешней меня пятнадцать минут было вполне приличным отрезком времени, чтобы, собраться. Пока экипаж будут запрягать, а я буду «собираться», отец не сядет на хромого «Громового». Он будет ждать, пусть и с насмешкой, но будет стоять здесь, на твердой земле, а не нестись к обрыву.

– Спасибо, отец! – бросила я через плечо и, подхватив подол пеньюара, бросилась обратно в дом.

Пятнадцать минут. Пятнадцать минут, чтобы не только одеться, но и развернуть судьбу в другую сторону.

Я влетела в свою комнату как вихрь, и Элис, с испуганно округлившимися глазами, стояла прямо перед дверью, будто не решаясь войти.

– Элис! Четырнадцать минут! – выпалила я, срывая с себя пеньюар. – Платье дорожное, самое простое. И косу. Только

косу, ничего больше!

Мозг ее, видимо, на секунду отказал, обработав столь невероятный приказ. Но затем, гонимая тем же животным страхом, что читался в моих глазах, она метнулась в гардеробную.

Я рванула шнуровку на ночной сорочке. Тонкая ткань разорвалась у горловины с неприличным звуком. Мне было все равно. Я сбросила ее с себя, стоя посреди комнаты в одних кружевных панталонах, и тут же на меня, словно с неба, свалилась грубая, но прочная ткань – темно-зеленое дорожное платье из плотного льна, без лишних оборок, с глухим воротом и длинными рукавами.

– Шнуруйте! – приказала я, повернувшись к ней спиной.

Ее тонкие, дрожащие пальцы заскользили по моей спине, стягивая шнуровку так быстро, что я едва могла дышать. Я сама натягивала чулки, не глядя, почти порвав один, и заправляла ноги в простые, удобные ботинки на низком каблуке.

– Волосы! – я рухнула на табурет перед туалетным столиком.

Элис схватила щетку. Обычно это был долгий, почти ритуальный процесс – расчесывание каждой прядки. Сейчас она провела щеткой по моим спутанным от бега волосам несколько раз, с силой разглаживая непослушные пряди, и тут же, ловко и быстро, заплела одну толстую, не очень ровную косу. Не было времени смачивать гребешок в розовой воде, чтобы уложить непослушные вихры. Не было времени

искать ленту. Она сорвала со спинки стула простой кожаный шнурок, которым подвязывали занавески, и туго завязала им конец косы.

— Готово, миледи, — выдохнула она, отскакивая назад, как ошпаренная. На ее лице был написан ужас от содеянного кощунства — так собрать наследницу Грейстоун.

Я мельком глянула в зеркало. Лицо бледное, глаза огромные, полные паники. Коса лежала немного криво, из нее уже выбивалось несколько мелких прядей. Я выглядела не как знатная дама, а как перепуганная девчонка, собранная наскоро. И это было идеально.

— Четырнадцать минут! — сказала я себе и бросилась к двери.

Я выбежала во двор ровно в ту секунду, когда тень от гномона на солнечных часах сдвинулась на едва заметную черточку. Отец стоял, опершись на трость, рядом с уже запряженным открытым экипажем — легким, на рессорах, с кучером на облучке. «Громового» уже увели. Отец увидел меня, и его брови медленно поползли вверх, исчезнув под линией шляпы. На его лице застыло чистейшее, неподдельное изумление.

— Неужели, — произнес он медленно, снова окидывая меня взглядом с головы до ног, — ты так хочешь в столицу?

Я не стала ничего говорить. Просто кивнула, переводя дыхание. Слова могли выдать дрожь в голосе. Этот кивок, твердый и короткий, казался, впечатлил его больше любых

оправданий.

Он что-то хмыкнул, не то одобрительно, не то все еще с насмешкой, и жестом показал на подножку экипажа. Молодой кучер, тот самый Марк (видимо, в наказание или для перестраховки его поставили править лошадьми), спрыгнул с облучка, чтобы помочь мне подняться. Его лицо все еще было бледным, пальцы дрожали, когда он подал мне руку.

В ту секунду, когда моя рука легла на его ладонь, я наклонилась чуть ближе и прошептала так тихо, что услышать мог только он:

– «Громовой» хромает на левую переднюю. Скажи Гарету, чтобы осмотрел. И вызови ветеринара. Сейчас же. Ни слова отцу.

Его глаза расширились до предела, в них мелькнул не просто страх, а паника, смешанная с непониманием. Он кивнул, резко, почти судорожно, и отшатнулся, как от огня.

Отец, уже усаживаясь в экипаж напротив меня, заметил этот короткий шепот. Его взгляд, острый как бритва, скользнул с моего лица на отпрянувшего кучера, затем снова на меня. Но он ничего не сказал. Только уголок его рта снова дрогнул в той самой неуловимой, загадочной усмешке. Усмешке человека, который заметил что-то странное, но решил пока не вникать.

Марк вскочил на облучок, щелкнул вожжами, и экипаж тронулся, мягко покачиваясь на рессорах. Мы выехали за ворота поместья, оставив позади алебастровый фасад Грейсто-

уна и бледное, испуганное лицо Элис на пороге.

Пыльная дорога поплыла навстречу. Отец откинулся на спинку сиденья, его взгляд был устремлен вперед, на убегающую вдаль ленту пути. Но я чувствовала, что его внимание все еще приковано ко мне. К этой новой, непонятной версии своей дочери, которая мчится с ним в столицу с растрепанной косой и неясным блеском во взгляде.

Сердце все еще бешено колотилось, но теперь в его ритме была не только паника. Было острое, леденящее облегчение. Он был здесь, в безопасном экипаже, а не на спине хромого скакуна. Каменный мост с его крутым спуском мы проедем уже вместе, на надежных колесах.

Первый шаг был сделан. Первая тень будущего развеяна. Но дорога в столицу была долгой. И я не знала, какие еще сюрпризы готовил мне этот день – день, который должен был стать последним в моей прошлой жизни. И первым в новой, в которой я не монстр.

Путь в столицу пролегал через живописные холмы и долины, но я почти не замечала пейзажей. Каждый нерв был натянут как струна. Я сидела напротив отца, пытаясь придать своему лицу выражение если не спокойствия, то хотя бы сосредоточенности, а не панической бдительности.

Молчание между нами было непривычным. Обычно наши редкие поездки вместе сопровождались моими капризными требованиями или его холодными, отрывистыми наставлениями. Теперь же тишина висела плотной, неловкой завесой.

Он изучал меня, а я пыталась не выдать внутреннюю дрожь. – Почему король вызвал тебя именно сегодня? – наконец спросила я, нарушая тишину. Мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. – В день моего рождения? Это же не случайно.

Отец оторвал взгляд от мелькающих полей и медленно перевел его на меня.

– Ты начинаешь мыслить категориями политики, а не календаря праздников, – заметил он, и в его голосе прозвучало нечто отдаленно похожее на одобрение. – Нет, не случайно. У Его Величества на все есть свои резоны. Сегодня он, вероятно, желает сказать мне нечто важное. Официально. Возможно, – он сделал небольшую паузу, и в его глазах мелькнула все та же неразгаданная усмешка, – даже хорошо, что ты здесь.

Мое сердце екнуло. «Важное». В устах такого человека, как мой отец, это слово всегда означало либо власть, либо деньги. Чаще и то, и другое.

– Почему хорошо? – спросила я, стараясь, чтобы в голосе звучало лишь простое любопытство наследницы.

Он посмотрел на меня прямо, и на сей раз в его взгляде не было насмешки. Была холодная, расчетливая уверенность.

– Потому что, Ариана, я почти уверен, что разговор пойдет о твоём замужестве. С принцем Казимиром.

Я почувствовала, как внутри все на мгновение замирает. Я знала, что бал посвящен не только моему совершенноле-

тию, что принц – желанный гость не просто так. Но услышать это напрямую, так буднично-уверенно... В моей прошлой жизни это известие вызвало бы лишь злорадное предвкушение: еще одна ступень к абсолютной власти. Теперь же оно упало в душу тяжелым, холодным камнем.

Мои брови сами собой поползли вверх в удивлении, которое я не стала скрывать. Но я промолчала. Сказать отцу сейчас, что я не хочу этого брака? Это было бы верхом глупости.

– Замужество? – наконец выдавила я из себя, давая ему понять, что я просто осмысливаю новость. – Но... мы с принцем едва знакомы. Разве не принято объявлять о помолвках после нескольких месяцев ухаживаний, балов, чтобы дать время...

– Время? – он перебил меня, и в его голосе зазвучала привычная мне сухая логика. – Королевским особам время отмеряют иначе. Этот бал и есть начало официальных «ухаживаний». А помолвка, если все пойдет по плану, может быть объявлена уже к концу сезона. Казимиру двадцать пять. Трононаследнику нужна жена. Ты – лучшая партия в королевстве по крови, состоянию и, будем откровенны, – он окинул меня оценивающим взглядом, – по внешним данным, когда ты не напоминаешь перепуганного зайца с растрепанной косой.

Его слова были резки, но не злы. Это был просто констатация фактов из его мира. Мое «не хочу» здесь было тщетным писком.

– Я полагала, у него есть выбор, – осторожно заметила я, глядя в окно на проплывающие мимо сосны. – Среди дочерей герцогов, по крайней мере.

– Выбор? – отец коротко хмыкнул. – Есть выбор, а есть государственная необходимость. Твой дед спас жизнь отцу нынешнего короля. Наши земли – самые богатые и спокойные в королевстве. Наш дом верен трону, но... достаточно независим. Этот брак скрепит союз раз и навсегда. Для Казимира это разумный шаг. Для нас – возвышение. Для тебя... – он запнулся, впервые за весь разговор подбирая слова, касающиеся лично меня, – для тебя это шанс обрести положение, о котором другие девушки могут только мечтать.

Он говорил о положении, о шансе. Ни слова о чувствах, о взаимной симпатии. Этого и не должно было быть. Но внутри меня все сжималось в тугую, болезненный узел. Воспоминания-тени подсказывали: Казимир был человеком умным, не лишенным иронии и, как ни странно, определенного понятия о личном выборе. Он не был жестоким тираном. Он был... практиком. Как и я теперь. С ним можно было договориться. Или, по крайней мере, попытаться. Но для этого нужна была возможность поговорить с ним наедине, не как с женихом, навязанным волей отцов, а как с человеком.

– Принц Казимир, – наконец произнесла я нейтрально, глядя на свои руки, сложенные на коленях. – Это большая честь для нашего дома.

Отец слегка кивнул, удовлетворенный моей реакцией.

Вернее, отсутствием истерики или дурацких восторгов.

– Именно так. Большая честь и большая ответственность. Ты будешь не просто графиней Грейстоун. Ты станешь частью королевской семьи. Твое поведение, твои слова – все это будет иметь вес. – Он помолчал, и его голос стал чуть мягче, что было для него редкостью. – Ты сегодня... удивила меня, Ариана. Этот порыв, эта спешка. Если в тебе действительно просыпается осознание своего долга, а не просто каприз – это хорошо. Тебе это понадобится.

Его слова были похвалой, самой скупой, на какую он был способен. И они жгли меня изнутри стыдом. Не было здесь никакого «долга». Был животный страх и отчаянная попытка все исправить.

– Я понимаю, отец, – тихо сказала я. А затем, собравшись с духом, добавила, глядя ему прямо в глаза: – Если... если разговор с королем действительно пойдет об этом. Было бы правильно... чтобы я могла хоть немного пообщаться с принцем до каких-либо официальных заявлений. Не на балу, среди сотни глаз. А... чтобы составить собственное мнение. И чтобы он составил о мне мнение не только по сплетням и портретам.

Отец удивленно приподнял бровь. Такая просьба была неслыханной. Но в ней был холодный, практический смысл, который он не мог не оценить.

– Составить мнение? – переспросил он. – Ты думаешь, его мнение что-то изменит?

– Не знаю, – честно ответила я. – Но если мне предстоит стать его женой, лучше начать без взаимного недоверия или недоразумений. Даже если это всего лишь видимость выбора. Это... разумно.

Он долго смотрел на меня, и в его взгляде боролись раздражение и зарождающееся уважение. Новая, странная Ариана, которая говорила о разуме и политике, а не о платьях и внимании.

– Король решает, как и когда будут происходить встречи, – наконец сказал он, что уже не было прямым отказом. – Но твою просьбу... я учту. Если представится возможность.

– Спасибо, – прошептала я, и в этом слове была искренняя благодарность не столько за уступку, сколько за то, что он вообще ее рассмотрел.

Экипаж мягко покачивался, солнце поднималось выше, разгоняя утреннюю прохладу. Я смотрела на его суровый, словно высеченный из камня профиль, и думала о том, как причудливо переплелись наши судьбы. Он ехал заключать выгодную сделку о моем будущем, даже не подозревая, что его собственная жизнь только что висела на волоске. А я, его дочь-монстр, получившая шанс, сидела рядом, спасая его и одновременно выстраивая тонкую, хрупкую стратегию для разговора с принцем, который мог стать либо моей клеткой, либо... моим неожиданным союзником в этой новой, непредсказуемой жизни.

Дорога в столицу казалась бесконечной, но теперь у ме-

ня была не только паника, но и крошечная, едва различимая цель. Не сорвать помолвку криком. Договориться. Как практик с практиком.

Глава 3.

Мягкое покачивание экипажа сменилось четким стуком колес по брусчатке. Я откинула тяжелую бархатную штору.

Столица.

В прошлой жизни я видела ее лишь как фон для собственного триумфа, как позолоченную клетку, которую мне предстояло завоевать. Теперь же я смотрела на нее другими глазами — глазами человека, едва избежавшего гибели и ценящего сам факт существования этого утра.

Воздух гудел, как растревоженный улей. Не тот приторно-сладкий гул праздности, который я помнила из прошлых визитов, а энергичный, деловой рокот. Повозки с товарами, громоздкие кареты знати, пешеходы в простой и дорогой одежде, снующие как муравьи. Запахи ударили в нос волной: свежий хлеб из уличной пекарни, конский навоз, дымок из труб, аромат жареных каштанов и подгнивающих овощей в сточной канаве. Жизнь здесь была грубой, яркой, не прилизанной. Солнце, уже высоко поднявшееся, играло на позолоченных флюгерах островерхих крыш и слепило в окнах лавчонок, теснящихся вдоль узких, извилистых улиц.

«И все это могло бы быть моим, — холодно пронеслась мысль, эхо той Арианы. — Все это должно было стать моим».

Но теперь это «мое» пугало. Оно было слишком огромным, слишком живым и требовало не тирании, а управле-

ния. Меня охватило странное чувство — не собственнический восторг, а почти ответственность. Я видела не просто богатство, которое можно отнять, а сложный, хрупкий организм, который нужно... беречь. Эта мысль была настолько чужда прежней мне, что я нервно сглотнула.

Отец, заметив мой пристальный взгляд, пробурчал, не отрываясь от документов:

— Не пялься, как провинциалка. Ты — графиня Грейстоун. Для этих людей ты — часть пейзажа власти. Веди себя соответственно.

Я кивнула, отпустив штору. Он был прав. Но внутри я все еще чувствовала себя провинциалкой, самозванкой в собственном теле, смотрящей на знакомый мир впервые.

Экипаж, ловко лавируя, стал взбираться вверх, к короне города — Королевскому холму. Шум улиц постепенно стихал, сменяясь мерным цокотом копыт по идеально ровным каменным плитам. Здесь воздух был другим — прохладным, пропахшим хвоей, морем и влажным камнем.

И тогда он предстал перед нами. Дворец Белой Башни.

Не просто большое здание. Это была крепость, вырезанная из самой горы и облаченная в светлый, почти сияющий известняк. Он не подавлял грубой массой, а парил — стройные башни, похожие на заточенные карандаши, устремлялись в небо, а длинные галереи с аркадами, словно крылья, охватывали склоны холма. Он был одновременно неприступным и изящным, символом власти, которая опиралась не

только на силу, но и на многовековую традицию, на красоту. В моих прошлых, отравленных памятью воспоминаниях, он был лишь самой роскошной из тюрем. Сейчас, под лучами полуденного солнца, он заставлял затаить дыхание. Здесь жила история. И здесь решались судьбы.

Нас встретили у массивных, но сейчас распахнутых ворот. Не пышная толпа придворных, а небольшая группа — старший стюард в строгом камзоле, несколько гвардейцев в сине-серебряных мундирах с бесстрастными лицами. Церемония была отработанной, почтительной, но без излишеств. Король, видимо, ценил эффективность.

— Граф Грейстоун, — стюард склонил голову. — Его Величество ожидает вас в Солнечном кабинете. Мне велено проводить вас немедленно. — Его взгляд скользнул ко мне, и в глазах мелькнуло легкое недоумение, мгновенно сглаженное профессиональной вежливостью. — Леди Ариана... Вам, вероятно, будет удобнее подождать в Голубой гостиной. Или, если пожелаете, можно прогуляться по Западному саду. День выдался прекрасный.

Прогулка по саду. Возможность прийти в себя, стряхнуть дорожную пыль и остроту переживаний. Возможность подумывать. Это было куда лучше, чем душная гостиная.

— Благодарю вас. Я предпочту сад, — сказала я, и мой голос в этом высоком, каменном вестибюле прозвучал тихо, но четко.

Отец бросил на меня короткий, оценивающий взгляд —

выдержит ли она этикета наедине с собой? — и кивнул стюарду.

— Позаботьтесь о ней.

— Безусловно, милорд.

Отец удалился вглубь дворца за стюардом, его твердые шаги затихли в лабиринте коридоров. Я же с одной из придворных дам, немолодой женщиной со спокойным лицом и зоркими глазами, прошла через боковую аркаду.

Западный сад не был вычурным парком для праздных гуляний. Это был образец сдержанного, почти математического совершенства. Строгие геометрические клумбы с лавандой, шалфеем и кустами нежно-розовых роз. Аккуратно подстриженные живые изгороди из самшита образовывали лабиринт, в котором было невозможно потеряться, но можно было укрыться от посторонних глаз. Дорожки из светлого гравия мягко хрустели под ногами. В центре бил фонтан — не помпезный каскад тритонов, а элегантная чаша из темного мрамора, из которой в тишине струилась и падала обратно вода, создавая гипнотический, умиротворяющий ритм.

Я остановилась у фонтана, положив ладонь на прохладный камень его края. Тишина после грохота дороги и гула города была оглушительной. Здесь, в этом упорядоченном, рациональном пространстве, мои мысли наконец начали приходить в какой-то порядок.

Я спасла отца. Первая, самая страшная тень будущего рассеяна. Но на ее место встали другие — более сложные, по-

литические. Брак. Принц. Переплетение интересов.

Я подняла глаза от воды и посмотрела на дворец, возвышающийся над садом. Где-то там, в Солнечном кабинете, мой отец и король решали мою судьбу. Говорили о землях, союзах, династиях. Обсуждали меня как актив, как пешку на шахматной доске.

Но я больше не была пешкой. Я была игроком, помнящим несколько ходов вперед. Стратегия начиналась здесь и сейчас. Мне нужно было не просто встретить принца. Мне нужно было произвести на него впечатление не наигранной покорностью или капризной роскошью, а тем, что он, как практик, мог оценить: ясным умом, пониманием правил игры и, возможно, чем-то таким, чего он не ожидал от «лучшей партии в королевстве».

Я глубоко вдохнула воздух, пахнувший лавандой и влажной землей. Страх никуда не делся, он сжался холодным комком под сердцем. Но поверх него уже нарастало что-то иное — сосредоточенная, острая решимость.

День моего рождения только начинался. И первая битва в моей новой жизни должна была быть выиграна не силой, не интригой, а тонким диалогом. И для этого мне нужно было подготовиться. Не к балу. К встрече.

Я присела на холодную каменную скамью у фонтана, не сводя глаз с водяных кругов. Они расходились, гасли и появлялись вновь — гипнотизирующий, бесконечный цикл. Как и мои мысли. Как можно изменить судьбу, если ты уже стал

тем, кем должен был стать? Если каждое твоё воспоминание, каждый инстинкт, каждая червоточина в душе — уже отлита в форму «той» Арианы? Я не могла стереть прошлое. Оно жило во мне, как вторая, тёмная кровь. Но, может быть, я могла бы изменить будущую себя. Ту которой я стану.

Амулет на шее, тот самый, который был со мной и ту и прошлую жизнь, вдруг отозвался лёгким, едва уловимым теплом. Не жаром, а смутным напоминанием, будто старая рана, о которой все забыли. Я машинально обхватила его пальцами.

— Красивый денёк для раздумий, дитя моё, — раздался рядом хриплый, потрескавшийся голос, как сухая листва под ногой.

Я вздрогнула и обернулась. К скамье, опираясь на простую палку из ясеня, подступала старуха. Очень старая. Время стёрло с её лица не только молодость, но, казалось, и пол, и сословие, оставив только саму суть — кожу, похожую на старый пергамент, пронизанный сетью глубоких морщин, и пронзительно светлые, почти прозрачные глаза. Они смотрели не на меня, а сквозь меня, видя что-то за гранью моего платья и испуганной позы.

— Денёк... да, — с трудом выдавила я, отдавая дань вежливости. Придворная дама, сопровождавшая меня, исчезла где-то среди самшитовых изгородей, давая иллюзию уединения.

Старуха медленно, с тихим скрипом суставов, опустилась

рядом. Пахло от неё сушёными травами, тёплой пылью и чем-то ещё — горьким, как коренья.

— Дни для раздумий — лучшие дни, — продолжила она, уставившись на фонтан. — Вода всё знает. Всё помнит. И всё уносит. А потом возвращает в дожде. — Она повернула ко мне свой взгляд. Он был не старым и тусклым, а острым, как шило. — А ты что пытаешься унести? Или, может, вернуть?

Меня пробрала дрожь. Не от страха, а от ощущения, что этот взгляд видит тот самый узел сомнений на сердце.

— Я... не понимаю, о чём вы, — солгала я, опутив глаза на свои руки. — Понимаешь, — просто сказала старуха. — Смотришь на воду, а видишь не своё отражение. Видишь другую. Ту, что могла бы быть. Или ту, что уже была. Запутанная штука — время. Оно не линия. Оно... клубок. Иной раз ниточка из будущего может потянуться в прошлое и завязать такой узел, что и не развяжешь.

Я не могла пошевелиться. Казалось, она читает мои мысли, как крупные, простые буквы в детской книге.

— Кто вы? — выдохнула я.

Старуха усмехнулась, и сеть морщин вокруг её рта углубилась.

— Зовут меня Агата. Живу в городе, у восточной стены. Шью, травы собираю, немощным помогаю. А кто я на самом деле? Та же, что и ты, дитя. Заблудившаяся в собственном клубке.

Она помолчала, а потом её взгляд упал мне на грудь, туда,

где поверх ткани платья висел амулет.

– Старая вещь, – произнесла она неожиданно мягко. – Очень старая. Чувствую тепло от неё отсюда. Не каждый почувствует. Ты знаешь, что носишь?

Я непроизвольно сжала медальон в кулаке.

– Это...амулет прабабушки. Просто серебро.

– Нет, – Агата покачала головой. – Не просто. В нём есть... тишина. Такая тишина, что заглушает даже эхо прошлого. Или будущего. Решай сама. – Она наклонилась ко мне, и её шёпот стал едва слышным шелестом. – Он не меняет судьбу, дитя. Он не делает тебя другой. Он... даёт паузу. Мгновение между вдохом и выдохом. Между тем, что было, и тем, что будет. В этой паузе — всё. Вся твоя свобода. Вся твоя сила. Ты можешь услышать шепот инстинкта той, кем была. И тихий голос разума той, кем пытаешься стать. И выбрать. Всего одно мгновение. Но из таких мгновений и ткётся новая нить судьбы.

Я смотрела на неё, не в силах вымолвить ни слова. Её речь была не бредом старухи, а ключом, подобранным к замку внутри меня.

– Почему вы мне это говорите? – прошептала я.

– Потому что вижу клубок вокруг тебя, – Агата откинулась на спинку скамьи, и её глаза снова стали просто старыми и усталыми. – И вижу, как одна ниточка — яркая, жадная, жестокая — уже почти переплелась и задушила все остальные. Но есть другая. Слабая ещё, едва заметная. Чистая. Она

исходит отсюда. — Она ткнула костлявым пальцем в сторону моего амулета. — В твоих силах дать ей силу. Или оборвать. В паузе. Всегда — в паузе.

Она тяжело поднялась, опираясь на палку.

— Меня здесь не должно быть, — пробормотала она больше для себя. — Сады для знатных. Но старые ноги иногда несут, куда не нужно. Береги свою паузу, дитя. И не бойся тишины внутри. Это не пустота. Это пространство для выбора.

И она заковыляла прочь по гравийной дорожке, медленно растворяясь в зеленой гуще лабиринта, будто её и не было.

Я сидела, окаменев, а пальцы всё ещё сжимали тёплый металл амулета. «Пауза». Просто пауза. Не переписывание, не бегство. Мгновение осознания. Мгновение выбора между эхом прошлого и шагом в будущее. Вдруг я поняла. Я не должна была стараться «не быть» прежней Арианой. Та Ариана была частью меня, её опыт, её ярость, её страсть — всё это были инструменты. Ужасные, опасные, но инструменты. Я должна была не отрицать их, а научиться выбирать — когда слушать их шепот, а когда накладывать на них ту самую «тишину» амулета.

Я встала, выпрямив плечи. Вода в фонтане продолжала свой бесконечный цикл. Но теперь я смотрела на неё иначе. Я не пыталась остановить круги. Я училась смотреть на воду между ними. На ту самую паузу, где ещё нет нового всплеска, но уже ушла рябь от старого.

Где-то во дворце решали мою судьбу. Но моя настоящая

судьба, оказывается, зависела не от слов короля, а от простой серебряной безделушке на моей шее и в тишине, которую я только что научилась в себе находить. Стратегия оставалась. Но теперь у неё появилось сердце. Или, вернее, точка покоя в самом центре бури.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь вдохнуть в себя не только запах лаванды, но и ту самую «паузу», о которой говорила Агата. Пора возвращаться. Пора смотреть в лицо своей судьбе — не как жертва, а как игрок, нашедший свой центр. Нужно найти ту придворную даму — немолодую женщину с зоркими глазами — и пройти с ней во дворец, надо поговорить с отцом и если получится с королем.

Я повернулась, намереваясь пойти по дорожке, ведущей к аркаде, где мы расстались. Но едва сделала несколько шагов, как из-за высокой самшитовой изгороди вышел не кто иной, как принц Казимир.

Я застыла на месте, словно застигнутая врасплох диким зверем на лесной тропе. Он был один. Без свиты, без пажа. Высокий, с широкими плечами, которые обтянул безупречно сшитый камзол темно-синего цвета, оттеняющий его каштановые волосы. Его лицо — четкие скулы, прямой нос, тонкий, сжатый в почти незаметную линию рот — не выражало ни гнева, ни радости. Оно оно транслировало усталое, ледяное раздражение. И было направлено прямо на меня.

Он недоволен, — мгновенно пронеслось в голове, и внутри всё сжалось в ледяной ком. Несостоявшейся прогулкой?

Моим присутствием здесь? Тем, что его заставляют жеваться на провинциальной графине?

Инстинкты прошлой жизни взметнулись, как змеи: опустить глаза, принять позу покорности, затаиться. Но пальцы наткнулись на теплый металл амулета под тканью. Пауза. Всего одно мгновение между вдохом и выдохом. В этом мгновении я заставила себя встретить его взгляд. Не вызывающе, а спокойно. Стояла прямо, не опуская головы.

«Практик», — напомнила я себе. Он оценивает эффективность, а не лесть.

– Ваше Высочество, – мой голос прозвучал тише, чем я хотела, но без дрожи. Я сделала безупречный, неглубокий реверанс, как того требовал этикет при неожиданной встрече.

Он слегка кивнул, формально принимая поклон. Его серые глаза, цвета зимнего моря, скользнули по моему лицу, по платью, слегка пыльному от дороги, и вернулись обратно. В них не было ни капли любопытства, только оценка.

– Леди Ариана. Вас предупредили, что в этом саду я иногда совершаю прогулку ? – Его голос был ровным, низким, без интонации. Это не был вопрос. Это было констатацией моего промаха.

Старая Ариана внутри закипела бы от обиды. Новая сделала ещё один вдох в «паузу».

– Нет, Ваше Высочество. Мне предложили подождать здесь, пока мой отец на аудиенции у короля. Я не знала, что

потревожу ваше уединение. Прошу прощения.

Он промолчал пару секунд, и его взгляд стал чуть менее острым, но не мягче.

– Вас не должны были оставлять одну.

– Я просила об этом, – честно ответила я. – Мне нужно было... привести мысли в порядок после долгой дороги.

Его бровь чуть дрогнула. Возможно, он ожидал лепета о восхищении садом или дворцом.

– И привели? – спросил он, и в его тоне впервые появился оттенок чего-то, кроме раздражения. Скептицизма? Иронии?

Это был мой шанс. Страх все еще висел где-то в горле, но поверх него, как крепкий лед, легла решимость, рожденная у фонтана.

– Не полностью, Ваше Высочество. Но я надеюсь, что смогу это сделать, если вы позволите мне сказать вам несколько слов. – Я снова посмотрела ему прямо в глаза, отбросив девичью робость. – Я хотела бы с вами поговорить. Если, конечно, у вас найдется для этого время.

Казимир смотрел на меня с непроницаемым выражением. Казалось, он взвешивал не только мои слова, но и сам факт моего существования здесь и сейчас. Затем уголок его рта дрогнул — не в улыбку, а в нечто, похожее на гримасу, мрачное узнавание.

– Любопытно, – произнес он наконец, и его голос стал тише, почти конфиденциальным. Он бросил быстрый взгляд

вокруг пустынного сада. — Я как раз размышлял о том же. Но разговор, о котором я думаю, не предназначен для... посторонних глаз и ушей. Даже садовых.

Мое сердце екнуло, но на сей раз не от страха, а от азарта. Он *хотел* поговорить. Наедине.

— Здесь достаточно тихо и уединенно, — осторожно заметила я, также понизив голос. — Но достаточно открыто, чтобы избежать кривотолков.

Он кивнул, коротко и резко.

— Это так. Что ж, леди Ариана. У нас есть, пожалуй, пятнадцать минут до того, как нас начнут искать для более... официальных церемоний. Говорите. Я слушаю.

Он не предложил сесть. Он остался стоять, прислонившись плечом к стволу старой каменной сосны, росшей у изгороди, скрестив руки на груди. Поза человека, ожидающего доклада. Или, возможно, пытающегося разглядеть в собеседнике не невесту, а партнера по сложной сделке.

Я собралась с духом, чувствуя, как тепло амулета смешивается с холодной концентрацией. Все начиналось сейчас. Не на балу под музыку, а в тихом саду под солнцем. Первый ход в игре, где ставка была — вся моя будущая жизнь.

Глава 4.

Я собралась с духом. Это была моя «пауза», мой выдох после долгого, мучительного вдоха сомнений.

– Ваше Высочество, – начала я, следя за каждым словом, будто ступая по тонкому льду. – Я понимаю, что наш брак – это политическое решение. Союз наших домов, укрепление границ, возможно, долг королевской семьи перед моим отцом. Я не наивная девица, чтобы не видеть этого.

Казимир лишь чуть приподнял бровь, его лицо оставалось непроницаемой маской. Он ждал продолжения.

– И поэтому, – я сделала паузу, вбирая в себя всю свою смелость, – я хочу попросить вас об одной вещи. Если мой отец... вернее если король прикажет вам жениться на мне... я прошу вас отказать.

Тишина, наступившая после этих слов, была оглушительной. Она казалась гуще и тяжелее, чем все предыдущее молчание. Казимир медленно распрямился, оторвавшись от ствола сосны. Его глаза, до этого лишь оценивающие, теперь расширились от неподдельного, оглушающего шока. Он смотрел на меня так, будто я внезапно заговорила на языке ему непонятном.

– Что? – вырвалось у него наконец, одним резким, отрывистым слогом. Он даже сделал полшага вперед, будто не расслышал. – Повторите.

– Я прошу вас, – повторила я, уже чувствуя, как по спине пробегают мурашки, но не опуская взгляда, – если вам будет отдан такой приказ – отказать.

Он несколько секунд просто молчал, переваривая услышанное. Шок в его глазах постепенно сменился холодным, острым непониманием и... подозрением.

– Объясните, – его голос стал ледяным и жестким. – Я понимаю, что для провинциальной дворянки такой союз – головокружительная удача. Отказ принца был бы жесточайшим оскорблением для вашего дома, для вас лично. Ваша репутация была бы уничтожена. Вы это осознаете?

– Осознаю, – кивнула я. Сердце колотилось где-то в горле, но внутри, в той самой точке покоя, была странная ясность. – Это было бы оскорблением. Возможно, даже скандалом. Я это прекрасно понимаю.

– Тогда почему? – Он скрестил руки на груди снова, но теперь это был жест не ожидания, а защиты, отгораживания от безумия, которое стояло перед ним. – Почему вы, молодая девушка, только что прибывшая ко двору, просите о таком? Это какой-то изощренный ход? Проверка моей реакции? Или вы просто... не в своем уме?

В его тоне прозвучала грубость, но сейчас это было неважно. Он был сбит с толку, а в растерянности сильного человека всегда есть щель.

– Это не ход, Ваше Высочество. И мой рассудок, надеюсь, в порядке, – я попыталась улыбнуться, но получилось что-то

напряженное. – Я просто... не желаю этого брака.

Он замер, впиваясь в меня взглядом.

– Не желаете. Со мной, – произнес он медленно, как бы проверяя вкус этих нелепых слов. – Почему? Я что... урод? Злодей? Или вы уже влюблены в кого-то другого? – В его голосе прозвучала горькая ирония.

– Нет, – ответила я просто. – Вы не урод и, насколько я могу судить, не злодей. И влюбленности нет. Просто... между нами нет ничего. Ни любви. Ни даже простой симпатии. Мы чужие люди.

Казимир фыркнул, коротко и резко. Звук был похож на лопнувшую струну.

– Леди Ариана, вы живете в мире рыцарских романов? При дворах не женятся по любви. Браки заключаются по расчету. По долгу. По необходимости. Это основа порядка. Симпатия... – он презрительно выдохнул слово, – роскошь, которую редкие могут себе позволить, и уж точно не принцы.

– Я знаю, – не сдавалась я. Тепло амулета казалось теперь не успокаивающим, а подбадривающим. – Я знаю, что так принято у королей и принцев. Но я... я не король. Я – это я. И я хочу, чтобы мой супруг, если уж ему суждено им стать, мог бы... со временем... полюбить меня. Или хотя бы уважать как человека, а не как пешку на доске. А как вы можете полюбить или даже просто захотеть быть рядом с той, на кого смотрите сейчас? – Я сделала легкий жест рукой, указывая на себя, на свое простое дорожное платье, на все свое сму-

щение и прямоту. — Вы видите во мне лишь обязательство. Проблему. Еще одну цепь.

Я замолчала, дав своим словам повиснуть в воздухе между нами. Казимир не отвечал. Он смотрел куда-то мимо меня, в гущу самшита, его лицо было скрыто тенью от ветвей. Но я видела, как напряглась его челюсть, как медленно сжались кулаки у бедер.

Когда он наконец заговорил, его голос был тихим, приглушенным, но в нем бушевала буря.

— Вы просите невозможного. Вы просите, чтобы я пошел против воли короля — моего отца — и вашего отца, нарушил договоренности, посеял хаос и сомнение... ради чего? Ради воздушной мечты о любви? Вы понимаете, на что обрекаете себя в случае отказа? Заточение в монастыре? Пожизненное затворничество в вашем поместье? Вечное пятно на вашей фамилии?

— Понимаю, — прошептала я. И это была правда. Картина была мрачной. Но картина брака без надежды, брака-тюрьмы, где мы оба были бы узниками, казалась мне еще темнее. — Но я готова принять эти последствия, если это будет мой свободный выбор. Или цена, которую я заплачу за попытку его сделать. Я не хочу быть еще одной несчастной тенью в галерее портретов королевской семьи. Я не хочу, чтобы вы были несчастны рядом со мной.

Он резко повернулся ко мне. В его глазах уже не было шока. Там горели совсем другие чувства: гнев, раздражение,

но и какое-то доселе скрытое, измученное понимание.

— Вы говорите так, будто ваше счастье или несчастье что-то значат в этой игре! — его голос сорвался на полтона выше, и он тут же осекся, снова понизив его до опасного шепота. — Никто не спрашивает, счастливы ли мы. Никто! Нас спрашивают, полезен ли союз. Прочен ли. Выгоден ли. Ваши чувства... мои чувства... это пыль.

— Тогда зачем вы здесь? — вдруг выпалила я, сама удивившись своей дерзости. — Зачем вы пришли в этот сад, если все уже решено? Зачем вы согласились меня выслушать?

Этот вопрос, кажется, поразил его сильнее, чем моя просьба об отказе. Он отступил на шаг, словно от удара. Его взгляд метнулся по сторонам, ища ответ не в изгородях, а где-то внутри себя.

Пятнадцать минут, которые он отвел, истекли. Где-то вдали, у аркады, послышались голоса и шаги. Нас искали.

Казимир выпрямился во весь рост, и с его лица, как по волшебству, спала вся буря эмоций. Осталась только привычная, ледяная маска принца. Но в его глазах, когда он в последний раз взглянул на меня, оставался странный, сложный отсвет — не гнева, а какого-то глубочайшего, усталого недоумения.

— Наш разговор окончен, леди Ариана, — произнес он официальным, бесцветным тоном. — Вас ищут. И помните: то, о чем вы просили... это не просто оскорбление. Это объявление войны устоям, на которых держится это королевство.

Хорошенько подумайте, готовы ли вы к такому.

Не дожидаясь ответа, он резко кивнул и быстрыми, решительными шагами направился по другой дорожке, ведущей вглубь сада, туда, откуда не было видно приближающейся свиты.

Я осталась стоять одна, слушая, как его шаги затихают на гравии, а другие, более суетливые, приближаются. Просьба была высказана. Бомба замедленного действия брошена к его ногам. И теперь оставалось только ждать, взорвется ли она, и если да – то кого она погребет под обломками первой.

Я едва успела стряхнуть с лица последние отголоски бурного разговора, заставив себя сделать глубокий, успокаивающий вдох, когда из-под аркады показались две фигуры. Мой отец и сам король Эдвард. Они шли бок о бок, и оба улыбались — отец сдержанно и гордо, король — широко, с одобрительным блеском в глазах. Позади них, соблюдая почтительную дистанцию, теснилась небольшая свита и несколько стражников в парадных ливреях.

Сердце, только-только начавшее успокаиваться, вновь заколотилось с новой, тревожной силой. Я опустилась в низкий реверанс, склонив голову, чувствуя, как лавандовый запах окончательно выветрился, уступив место аромату дворцового воска и дорогих духов.

– Ах, вот она, наша именинница! – раздался бархатный, полный довольства голос короля. – Поднимись, дитя мое,

поднимись. Негоже такой красавице прятать лицо в день ее совершеннолетия.

Я выпрямилась, стараясь улыбнуться. Отец смотрел на меня тепло, его глаза говорили: «Все хорошо, дочка. Все устроилось».

– Ваше Величество, – произнесла я, снова слегка склоняя голову. – Благодарю вас. Это большая честь.

– Честь – это для нас, что ты украшаешь наш двор своим присутствием, – отозвался король. Он был старше моего отца, с проседью в аккуратной бороде и мудрыми, чуть уставшими глазами, которые сейчас светились искренней доброжелательностью. Затем он сделал легкий знак одному из пажей. Тот почтительно подошел, держа в руках небольшой ларчик из темного дерева, инкрустированный перламутром.

Король взял ларец и, открыв его, протянул мне. На бархатной подушке лежала брошь невероятной красоты: крупный сапфир темно-синего, почти ночного цвета, окруженный россыпью бриллиантов, образующих стилизованную корону.

– С скромный дар к твоему дню рождения, леди Ариана, – сказал король, но в его тоне не было ни капли скромности. Это был королевский подарок, и все это понимали.

Я почувствовала, как у отца застыла улыбка, он затаил дыхание. Взять такой дар — это не просто знак благосклонности. Это знак чего-то большего.

Я осторожно приняла ларец, касаясь только его резных

боков. Драгоценность лежала в нем тяжелым, холодным обещанием.

– Это... невероятно прекрасно, Ваше Величество, – проговорила я, и мой голос прозвучал чуть хрипло. – Но это слишком величественно. Это украшение... оно достойно королевы.

Король рассмеялся, мягко и отечески.

– А кто сказал, что ты его недостойна, дитя мое? – Его взгляд, теплый и пронизательный, скользнул по моему лицу, потом перешел на отца, и между мужчинами промелькнуло молчаливое согласие. – Ты вполне можешь ею стать. Вполне.

Эти слова повисли в воздухе, звучные и недвусмысленные. В свите прошел одобрительный шорох. Отец едва заметно кивнул, его лицо светилось торжеством. А у меня внутри все оборвалось и упало в ледяную пустоту. «Вполне можешь ею стать». Не «станешь», а «можешь стать». Но в контексте подарка, улыбок и общего настроения это звучало как почти решенное дело.

Я открыла было рот, чтобы найти какие-то слова — благодарности, смущения, что угодно, — но нас отвлекли. К группе приблизился один из придворных, пожилой граф с добродушным лицом.

– Прошу прощения, Ваше Величество, граф, – он поклонился. – Не могу не присоединиться к поздравлениям! Леди Ариана, примите и мои наилучшие пожелания в этот светлый день. Пусть ваша жизнь будет столь же яркой, как этот

прекрасный сапфир.

Я автоматически ответила на его любезности, чувствуя, как улыбка застывает на моих губах маской. Мир вокруг зазвучал приглушенно, будто я наблюдала за всем из-за толстого стекла. Король обменялся с графом парой шуточных реплик, отец сиял.

Затем король, кивнув свите, дал понять, что частная беседа окончена. Люди начали медленно расходиться. Отец обернулся к королю, и его выражение стало немного более серьезным, деловым. – Ваше Величество, с вашего позволения... дела в поместье не терпят отлагательств., да и подготовка к торжеству идет полным ходом. Если я здесь больше не нужен...

Король положил ему руку на плечо.

– Конечно, старый друг, вы можете ехать, я не задерживаю вас.

Отец глубоко поклонился, потом подошел ко мне.

Мы двинулись от короля прочь, оставляя позади шёпот свиты и тяжелый, сладковатый аромат дворцовых цветов. Я шла рядом с отцом, крепко сжимая в руках инкрустированный ларец. Каждый шаг по мелкому гравию отдавался в висках навязчивым стуком: «решено, решено, решено».

Отец молчал всю дорогу через парадный двор, где нас почтительно провожали взглядами стражи и слуги. Только когда мы миновали высокие ворота, выйдя на каменистую площадку, где ждал наш экипаж, он обернулся. Его лицо, еще

минуту назад озаренное гордостью, теперь выглядело усталым, но глаза горели.

– Ариана, – сказал он тихо, взяв меня за плечи. – Ты видела? Сам король! Такой подарок... такие слова...

– Видела, отец, – мой голос прозвучал ровно, слишком ровно. – Это большая честь.

– Честь? – Он тихо рассмеялся, счастливо и облегченно. – Дочка моя, это больше чем честь. Это будущее. Будущее нашего дома. Твое будущее. – Он посмотрел на ларец в моих руках. – «Достойно королевы». Ты слышала?

– Слышала.

Он, казалось, наконец заметил странную отрешенность в моем тоне. Его брови слегка сдвинулись.

– Что с тобой? Ты не рада? После всех моих тревог, всех этих месяцев неопределенности... Теперь все ясно. Все будет хорошо. Казимир, я уверен, со временем оценит тебя по достоинству. Мальчик просто сдержанный.

«Мальчик». В этом слове было столько отеческой снисходительности, что мне вдруг стало жалко их обоих – и отца, так слепо верящего в выстроенный им же план, и того самого «мальчика», для которого я была лишь «обязательством» и «цепью».

– Я просто устала, отец, – соврала я, заставляя уголки губ дрогнуть в подобии улыбки. – И все это... немного ошеломительно.

Его лицо сразу смягчилось.

– Конечно, конечно, понимаю. Это большой день. Но ты справишься. Ты – моя дочь. – Он обнял меня за плечи, коротко и крепко, как бывало в детстве после моих маленьких побед. – А теперь поедem домой. Тебе нужно отдохнуть перед вечерним празднеством. – Он помог мне подняться в украшенный фамильным гербом экипаж.

Отец сел напротив. Слуга захлопнул дверцу, и мир внезапно сузился до размеров кареты, наполненной знакомыми запахами кожи, ладана и отцовского табака. Лошади тронулись с места, и дворец, этот величественный каменный цветок, начал медленно уплывать за спиной, уменьшаясь в золоченой ажурной решетке окна.

Я откинулась на бархатные подушки, закрыв глаза. В ушах все еще звучал ледяной голос Казимира: *«Это объявление войны устоям»*. И поверх него – бархатный, уверенный голос короля: *«Ты вполне можешь ею стать»*.

Стук колес о булыжник заполнил тягучее молчание в карете. Я смотрела в окно на мелькающие улочки, но видела лишь отражение отца – задумчивое, слегка уставшее.

– Кстати, об именинном торжестве, – его голос, спокойный и деловой, вернул меня в карету. – После всего этого великолепия, увы, мне придется ненадолго покинуть вас. Дела на северных рубежах требуют личного внимания. Надо проверить, как там идут дела после прошлогодних паводков.

Я кивнула, не оборачиваясь. Я помнила эти его «инспекции». Внезапные, срочные выезды, после которых он воз-

вращался довольный, с историями о том, как проучил нерадивого управляющего или «поставил на место» зарвавшихся арендаторов. В детстве я ловила каждое слово, затаив дыхание, и восторгалась его железной хваткой и умением внушать страх. Именно он, хлопая меня по плечу, говорил: «Вот так, дочка, мягкостью не возьмешь. Мир уважает только силу». И я, девочка, жаждущая его похвалы, училась быть сильной. Жестокой.

Но сейчас, слушая его планы, я ощутила не привычную тоску по его отсутствию, а странное, тихое облегчение. Я уже не та жестокая девочка, которую он лепил годами. Этот новый, чужой человек во мне, тот, что слушал Казимира и видел холодный блеск королевской броши, устало и радостно вздохнул про себя. На время я буду избавлена от его одобряющего взгляда, подпитывающего те темные ростки, которые мне так хотелось выкорчевать.

– Мать с Лилианой, конечно, останутся с тобой, – продолжал отец, поправляя манжет. – И ты отправишься с ними ко двору. Как раз сезон начинается. Будете на балах, приемах. Развеешься. Это будет полезно, – он сделал паузу, и в его голосе зазвучала неоспоримая твердость, – и необходимо.

Мое сердце сжалось. Двор. Тот самый двор, где каждый взгляд будет взвешивать и оценивать, где каждое слово окажется подслушано. Там, где уже ходят слухи о «будущей невесте».

– Отец, я... я не думаю, что хочу, – прозвучало тихо, но

четко. – Мне бы лучше остаться в нашем загородном доме. Я...

Он повернул голову, и его взгляд, еще секунду назад рассеянный, стал острым и холодным, как лезвие.

– Не хочешь? – переспросил он мягко, но в этой мягкости был стальной скрежет. – Ты станешь невестой принца, Ариана. Твоя жизнь отныне – при дворе. Ты должна быть на виду. Должна учиться, блистать, завоевывать расположение. Мы не можем позволить себе роскошь уединения. Забудь о загородном доме.

– Но я...

– Никаких «но», – его голос отрезал, как топор. Он наклонился чуть вперед, и в тесном пространстве кареты его фигура вдруг показалась огромной, подавляющей. – Ты будешь делать то, что положено. Не дури. Тебе оказана величайшая честь, и ты должна быть ей достойна. Всей своей жизнью. Понятно?

Его слова висели в воздухе, тяжелые и окончательные. Спорить было бесполезно. Я видела это по его сжатым челюстям, по тому, как он откинулся на спинку сиденья, всем видом показывая, что разговор окончен.

Я опустила глаза и лишь тихо ответила:

– Понятно, отец.

За окном проплывали последние городские дома, уступая место зеленым полям. Ларец с сапфиром лежал у меня на коленях, внезапно показавшись не подарком, а тяжелыми кан-

далами. Первым звеном в той цепи, которую только что за-
крепил мой отец. Цепи долга, чести и холодного, расчетли-
вого будущего. И у меня не было ключа.

Глава 5.

Платье для торжества висело на резной стойке, подобно призраку из серебряного тумана – невероятно легкое, расшитое сотнями крошечных жемчужин, которые должны были ловить свет свечей. Я стояла перед ним, ощущая странную пустоту, будто наряжали не меня, а чучело для будущего королевского музея.

Элис, деловито проверяла швы, ее тонкие пальцы скользили по ткани с почтительным трепетом. Тишина в будуаре была плотной, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев в камине.

– Итак, – проговорила я наконец, глядя в зеркало на ее отражение. – Пока я преклоняла колени перед королем, здесь что-нибудь случилось?

Элис вздрогнула, словно вынырнув из глубины мыслей. Ее глаза, большие и темные, мельком встретились с моими в зеркале, и в них мелькнула знакомая тень – тень страха.

– Да, миледи... На конюшне... – она замялась, покусывая нижнюю губу, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Так начинались все ее «доклады» раньше – с робости и ожидания гнева.

– Что на конюшне, Элис? – спросила я ровно, стараясь, чтобы в голосе не звучало раздражения.

– Старик Гарет... он велел позвать ветеринара для воро-

ного графа, что с ногой. А конюх Марк... он говорил, что к чему траты, раз хозяева в отъезде, и так сойдет. – Элис говорила быстро, почти скороговоркой, опустив глаза на пол. – Гарет его... отругал. Сильно. Даже... даже кнутом стеганул. Сказал, что повезло Марку, что хозяев дома нет, а то бы...

Она замолчала, и густая, тягостная тишина повисла в комнате. Она ждала. Ждала моей привычной реакции – холодного кивка, одобрительной фразы в духе отца: «Правильно. Дисциплина прежде всего. Нерадивость надо выжигать каленым железом». Ждала, что я, как всегда, встану на сторону сильного, на сторону того, кто «поставил на место».

Я сделала глубокий вдох. Внутри все сжалось в тугую, болезненный узел. Раньше этот узел развязывался злорадством, чувством превосходства. Сейчас он давил на сердце.

– И что же с конем? – спросила я тихо, поворачиваясь к ней лицом. Элис взглянула на меня с искренним удивлением. Ожидала она явно другого вопроса – о том, как именно отругал, как стегал. – Коня... полечили, миледи. Ветеринар сказал, что если б сейчас не позвали, то на убой пришлось бы отправлять. Останется хромым, мол. А так... сказал, через месяц-другой снова быстрее ветра скакать будет.

Слова «на убой» прозвучали приглушенным ударом где-то под ребрами. Я представила великолепного вороного жеребца, лишённого скорости, обречённого. И представила Гарета – старого, сурового, поднявшего кнут не из жестокости, а из... яростной, грубой заботы. Я кивнула. Не холод-

но-одобрительно, а просто – приняв к сведению. Даже, пожалуй, с легкой, едва уловимой долей облегчения.

– Хорошо, что позвали, – сказала я просто. – Спасибо, Элис.

Она замерла, изучая мое лицо, как будто впервые видела. Страх в ее глазах начал медленно таять, сменяясь осторожным недоумением. Она не поняла. Не поняла, почему нет привычного ледяного одобрения. Вздохнув, она набралась храбрости.

– Миледи... это правда, что после завтрашнего бала мы все едем в столицу? Ко двору?

– Правда, – ответила я, снова глядя на призрачное серебряное платье. – Отец хочет, чтобы я... вышла замуж. За принца Казимира.

Элис ахнула, и на ее лице расцвело самое настоящее, непритворное восхищение. В ее мире это была сказка, воплощенная в жизнь.

– О, миледи! Принц! Это же... это же потрясающе! Вы будете принцессой! А потом и королевой! – ее глаза сияли, полные романтических грез.

Я смотрела на ее сияние и чувствовала себя еще более чужой, оторванной ото всего этого.

– Да, – согласилась я безжизненно. – Отец именно этого и хочет.

Элис, уловив что-то в моем тоне, притихла. Она осторожно подошла ближе, понизив голос до доверительного шепота.

– А вы... а вы чего хотите, миледи?

Вопрос, такой простой и такой страшный, повис в воздухе. Никто – ни отец, ни король, ни даже мать – не спрашивали меня об этом. «Хочешь» было несущественным, детским капризом на фоне «должна» и «необходимо». Я отвернулась к окну, за которым темнел вечерний сад.

– Я хочу спокойствия, Элис, – прошептала я так тихо, что слова почти потонули в потрескивании огня. – Просто жить. Без этих... расчетов. Без необходимости каждый день быть на виду, как драгоценность на витрине. Без необходимости становиться кем-то, кем я, возможно, уже не являюсь.

Элис молчала. Романтические грезы в ее глазах погасли, сменившись непониманием и смутной жалостью. Она не могла понять, как можно не хотеть трона и короны. Но она увидела искренность. И впервые за многие годы службы, ее взгляд на меня стал не взглядом слуги на госпожу, а взглядом одного человека на другого – растерянного и очень одинокого.

– Платье готово, миледи, – тихо сказала она наконец, отступая на шаг. – Вы будете самой прекрасной на балу.

Я кивнула, глядя на свое отражение в зеркале – на лицо будущей невесты, в чьих глазах не было ни волнения, ни радости, лишь глубокая, бездонная усталость и тоска по невозможному спокойствию.

Серебряное привидение платья медленно опустилось на меня. Ткань была холодной и скользкой, как вода из лесно-

го ручья. Элис, затаив дыхание, застегивала бесчисленные крошечные пуговицы сзади, ее пальцы слегка дрожали. Каждое прикосновение, каждый щелчок застегивки ощущался как еще один шаг в клетку.

Потом прическа. Она усадила меня перед трюмо, и я закрыла глаза, пока ее ловкие пальцы разделяли пряди, заплетали, укладывали. В волосах появился непривычный вес – шпильки, жемчужные нити, что-то еще. Я не открывала глаз, стараясь удержать в памяти образ вечернего сада за окном – простого, темного, немого.

– Готово, миледи, – голос Элис прозвучал тихо, почти с извинением, словно она осознавала, что создала не красоту, а доспехи.

Я открыла глаза. В зеркале смотрела на меня незнакомка. Безупречная, хрупкая, сияющая холодным жемчужным светом. И совершенно пустая внутри. Взгляд этой незнакомки был направлен куда-то внутрь себя, в ту тишину, которой сейчас не было и не могло быть в переполненном зале.

В дверь постучали – три четких, властных удара.

– Войдите, – сказала я, и голос прозвучал чужим, ровным.

Вошел отец. Он был в парадном камзоле, его седеющие виски аккуратно приглажены. Его взгляд, привычно оценивающий, скользнул по мне с ног до головы, и в уголках его глаз появилось одобрение – то самое, деловое и холодное, от которого мне теперь хотелось сжаться.

– Чудесно, – произнес он, и в его голосе прозвучала та

редкая нота почти-нежности, которую он использовал, глядя на удачно завершённую сделку. – Ты выглядишь достойно нашей семьи и... будущего положения.

Он подошел ближе, и его пальцы, тяжелые и уверенные, коснулись моей прически.

– Одного не хватает. Надень королевскую брошь. Ту, что тебе вручили. Это будет знак уважения и... понимания.

Его слова висели в воздухе, не требующие возражений. Я молча кивнула. Элис тут же подала ларец. Сапфир, холодный и тяжелый, лег на грудь, чуть ниже ключицы. Его синева, казалось, впитывала весь скупой свет комнаты и отдавала его обратно – ледяным, неживым сиянием. Теперь образ был завершен. Идеальная кукла.

– На торжество прибудет принц Казимир, – продолжил отец, поправляя собственный манжет. Он говорил ровно, но в его голосе слышалось напряжение охотника, уже видящего добычу. – Ты будешь рядом с ним. Будешь обходительна. Внимательна. Покажи, что ты умна, но не умничай. Красива, но не вызывающа. Ты поняла меня?

В груди что-то ёкнуло – острая, отчаянная надежда.

– Отец, – начала я осторожно, глядя на его отражение в зеркале, а не ему в лицо. – Я... я думаю, сам принц не в восторге от этой идеи. В зале для аудиенций... он казался скорее обязанным, чем заинтересованным. Может быть, не стоит давить там, где...

– Ариана, – он произнес мое имя с такой ледяной резко-

стью, что я инстинктивно замолчала. Он обернулся ко мне, и его взгляд был уже не одобряющим, а пронизывающим, как стальное жало. – Что ты понимаешь в «восторге» принцев? Его интерес – это последнее, о чем тебе стоит беспокоиться. Он исполнит волю короля. Как и ты исполнишь мою. Воля, долг и целесообразность – вот что движет миром, а не детские фантазии о «восторге». Забудь этот лепет. Твоя задача – быть безупречной. Всё остальное уже решено.

Он отступил на шаг, еще раз окинул меня взглядом, словно проверяя сошедший с конвейера механизм.

– Через полчаса мы спускаемся. Не задерживайся.

Дверь закрылась за ним с мягким, но окончательным щелчком. Я стояла, не двигаясь, чувствуя, как холод сапфира на груди просачивается сквозь ткань, кожу, прямо в сердце. Элис робко приблизилась, чтобы поправить прядь волос, но я едва заметно мотнула головой.

В зеркале незнакомка в серебре и сапфирах смотрела на меня пустыми глазами. Воля. Долг. Целесообразность. Слова отца звенели в ушах, вытесняя шепот о спокойствии и простой жизни. Они строили вокруг меня стены выше и прочнее, чем самые толстые замковые стены. И ключа от этой новой тюрьмы у меня не было.

Полчаса растворились, как дым в холодном воздухе будуара. Я не смотрела на часы, не слышала их тиканья. Я просто стояла, глядя в окно, где ночь окончательно поглотила очертания сада, и пыталась удержать в голове единственную

мысль: *Это уже не тот путь. Это уже не тот вечер.* Но что это за путь и куда он ведет – было скрыто густым, непроглядным мраком.

Дверь открылась без стука. Отец стоял на пороге, его лицо было высечено из гранита нетерпения.

– Ты заставляешь себя ждать, – произнес он сухо. В его тоне не было вопроса, лишь констатация провинности.

– Простите, отец. Я... задумалась.

– Думать ты будешь потом. Сейчас – время действовать. Идем.

Я сделала шаг, и платье шелестело, как сухие осенние листья. Проходя мимо него, я спросила, глядя прямо перед собой:

– Матушка будет присутствовать? Она жаловалась на мигрень с утра.

– Несмотря на дурное самочувствие, она будет на своем месте, где ей и положено быть, – ответил он, шагая рядом со мной по коридору. Его шаги были твердыми и быстрыми, мне приходилось почти бежать, чтобы поспеть. – И принц Казимир уже пожаловал. Он в главном зале. Твое место – рядом с ним. Не вздумай ударить в грязь лицом.

Слова «принц Казимир уже пожаловал» прозвучали как удар грома в тишине моих мыслей. А потом, как молния, ослепительная и жуткая, в сознании вспыхнула картина из *того* прошлого. Из той жизни, которую я уже прожила и которая должна была закончиться этой ночью.

Тогда. В тот раз. Матушка действительно не сошла вниз. Она сослалась на ужасную мигрень, вызванную тревогой. Отец... отец лежал в своей комнате с переломом ноги и вывихнутым плечом после падения с того самого вороного коня. Празднование шло без них. Без него. Без принца. Я была центром этого безумного веселья, пьяная от власти и вседозволенности, пока... пока не случилось ТО.

Трагедия. Пожар? Паника? Я старалась не вспоминать детали, они приходили обрывками, с запахом гари и вкусом крови на губах. И смерть. Моя смерть. И смерть многих других.

А теперь... отец был цел и невредим, властен и холоден. Мать, хоть и нездорова, выйдет к гостям. И *принц здесь*. Он, которого в той версии вечера не было и не могло быть.

Ледяная волна прокатилась по спине, сменившись лихорадочным жаром. Сердце забилося так, будто пыталось вырваться из клетки ребер и холодного сапфира на груди. *Неужели?..*

Мы подошли к вершине парадной лестницы. Внизу, в сиянии тысячи свечей, клубился гул голосов, смеха, звон бокалов. Музыка лилась томным, сладким ядом. Это было великолепиие, которого не было в прошлый раз. Или было, но я его не замечала, будучи ослепленной собственной жестокостью.

Отец положил тяжелую руку мне на локоть, не как на поддержку, а как на кандалы.

– Всё изменилось, Ариана, – прошептал он так, что услышала только я, и в его шепоте не было нежности, лишь жесткая констатация факта. – Я уверен, ты станешь королевой, – он говорил о своем, а я слышала то, что он не знал, да и не мог знать. Я запустила иной ход событий, и теперь все будет по другому. Это было не просто другое празднование. Это был другой мир. Мир, где я спасла отца, и эта маленькая победа над судьбой привела к моему новому, куда более глобальному заточению. Цена свободы от одной цепи оказалась пожизненным заключением в другой.

Я посмотрела вниз, на море лиц, и среди них, увидела его. Принца Казимира. Он стоял, безупречный и отстраненный, словно выточенный из того же льда, что и брошь на мне. Его взгляд скользнул вверх по лестнице, встретился с моим на долю секунды – и в нем не было ни тепла, ни интереса, лишь та же усталая обязанность, которую я заметила днем.

Да. Всё изменилось. Но к лучшему ли? Или я, спасая одну жизнь, лишь наверняка обрекла свою на медленное, изящное умирание в золотой клетке?

Отец слегка надавил мне на локоть, давая сигнал.

– Идем. Твоя публика ждет.

И мы начали спуск. Каждая ступенька отдавалась в висках тяжелым, мерным стуком: *будущее... будущее... будущее...* . Неизвестное, нежеланное, но уже наступившее. И отступить было некуда.

Каждая ступенька подо мной казалась зыбкой, будто я сту-

пала не по мрамору, а по воде. Гул голосов нарастал, превращаясь в сплошной, чуждый шум. Я крепче сжала прохладные перила, ища в их твёрдую точку опоры. Да, это тюрьма. Но в той, прошлой жизни, в крошечном хаосе паники и огня, не было даже перил. Не было никакого будущего. А теперь... теперь оно есть. Пусть пугающее. Пусть чужое. Но оно *есть*. И это уже нечто.

Внизу, в самом центре расступившегося круга гостей, стоял принц Казимир. Свечи отражались в его блестящих волосах, но не согревали его лица. Он был похож на статую, принесённую для украшения торжества. Отец с нажимом провёл меня к нему, и я почувствовала, как все взгляды впиваются в меня — оценивающие, завистливые, праздные.

— Ваше высочество, — мой голос прозвучал удивительно ровно, мелодично, как учили. Я сделала реверанс, и серебро платья шелестело покорным шёпотом.

— Леди Ариана, — он ответил кивком, его голос был низким и бесцветным. Его рука протянулась ко мне для церемониального танца. Первый танец. Показательный. Его пальцы коснулись моей ладони — сухие, холодные.

Музыка зазвучала вальсом. Он повёл меня в такт, движения его были безупречны, выучены до автоматизма. Мы кружились, два сверкающих манекена в центре вселенной праздника.

— Вы сегодня выглядите... соответствующе случаю, — произнёс он наконец, глядя куда-то поверх моего плеча.

— Как и вы, ваше высочество, — ответила я, и в голове пронеслось: *Мы оба — экспонаты в этой витрине. Он, наверное, это тоже чувствует.*

Неожиданно для самой себя, я добавила тише, почти не двигая губами: «Музыканты стараются. Почти не фальшивят».

Он слегка замер на полшага, и его взгляд на мгновение упал на меня, а не на пространство вокруг. В его серых глазах, таких же холодных, как сапфир на мне, промелькнуло что-то — не интерес, но... любопытство? Удивление, что кукла заговорила о чём-то настоящем?

— Да, — он тоже понизил голос. — В прошлый раз в замке Вистании они играли так, что уши болели. По крайней мере, сегодня можно не страдать.

Это было не приглашение к беседе. Это была констатация факта, брошенная в пространство между нами, словно маленький камешек в пруд. Но рябь пошла. Крошечная, едва заметная. В его словах не было любезности, была лишь усталая правда. И эта правда, эта общая, усталая правда двух невольников этикета, вдруг показалась мне... мостиком. Хрупким, ненадёжным, но мостиком.

Танец закончился. Он отпустил мою руку так же быстро, как взял.

— Благодарю вас, — сказал он официально.

— Благодарю вас, ваше высочество, — ответила я.

Отошел, растворившись в толпе приближённых. Но что-

то изменилось. Ледяной ком страха в груди не растаял, но в нём появилась трещинка. Через неё пробивался слабый, робкий луч мысли: *Он тоже не хочет этого. Он тоже лишь исполняет долг.*

Возможно, я не одна в этой клетке.

Конечно, это не избавляло от гнёта будущего. Отец тут же появился рядом, его взгляд спрашивал: «Всё прошло как надо?». Я кивнула, и он, удовлетворённый, отправился к группе герцогов.

Я стояла одна, ощущая на себе взгляды. Но теперь внутри, рядом с тоской, теплилась крошечная искра чего-то иного. Не надежды на любовь или счастье — нет. Надежды на... понимание. На возможность не быть абсолютно одинокой в этой роли. Если мы оба — пленники обстоятельств, значит, между нами может быть не вражда или пустота, а... перемирие. Союз двух людей, вынужденных носить маски. А где есть союз, даже вынужденный, там всегда есть пространство для манёвра. Для тихого саботажа. Для поиска островков покоя в этом бушующем море долга.

Элис пронеслась мимо с подносом, её глаза широко раскрыты от волнения. Я поймала её взгляд и — о, чудо — углы моих губ сами дрогнули в едва уловимой, почти неуверенной улыбке. Она от изумления чуть не выронила поднос.

Вера в лучшее — это не ожидание внезапной свободы. Это осознание, что даже в самой прочной стене может оказаться трещина. И даже сквозь самую маленькую трещи-

ну иногда пробивается свет. Мой свет сегодня был усталым взглядом принца и его скучной ремаркой о музыкантах. Это было ничто. И это было всё.

Бал только начинался. Впереди были часы любезностей, интриг и притворства. Но теперь у меня был этот маленький, холодный камешек правды, зажатый в ладони. И с ним дышать в тугом корсете будущего становилось чуть легче. Чуть.

Глава 6.

Бал длился. Текучий, золоченый, бесконечный. Я пила мелкими глотками искрящиеся в бокалах напитки, которые подавали слуги, и чувствовала, как теплота разливается по телу, притупляя остроту страха. В какой-то момент я даже позволила себе расслабиться, ровно настолько, чтобы губы тронула улыбка, когда один из младших сыновей графа Дармийского, совсем еще мальчишка лет семнадцати, неуклюже пригласил меня на танец. Я согласилась — и это было легко. Он топтал мне ноги, сбивался с такта, пунцово краснел, и его искреннее смущение было настолько живым, настоящим, что я вдруг рассмеялась — впервые за весь вечер. Смех вырвался сам собой, удивленный и легкий.

Графский сынок замер, глядя на меня с восторгом и ужасом одновременно, а затем тоже заулыбался, и мы закончили танец под одобрительный шепоток пожилых дам, которые умилялись юности.

Я отошла к колонне, перевести дух. Щеки горели. В висках пульсировала музыка. На миг, всего на миг, я позволила себе поверить, что всё это — просто праздник. Что я — просто девушка, которая танцует. Что завтра не наступит. Что принц не смотрит на меня с каменным лицом из другого конца зала. Что отец не сверлит спину взглядом, оценивая каждое мое движение как ход в шахматной партии.

Но реальность вернулась резко, как пощечина.

Я сделала шаг в сторону, чтобы обойти группу шумных герцогов, и вдруг замерла. Взгляд упал на высокие стеклянные двери, ведущие в зимний сад. Они были приоткрыты, оттуда тянуло сыростью и холодом. За ними виднелся темный силуэт — кто-то стоял на пороге, глядя в ночь.

Я узнала платье. Узнала рыжие кудри, уложенные высокой волной. Баронесса Лисса Вайтли.

И в тот же миг мир опрокинулся.

Воспоминание настигло меня не как образ — как физическая боль. Резкая вспышка перед глазами, и я снова там. В прошлом. В ту ночь.

Тогда. Тот же бал. Та же музыка. Я, пьяная от власти и вседозволенности, стояла у тех же дверей. Рядом со мной была Лисса. Баронесса Лисса, дочь разорившегося лорда, держалась за край моего рукава и шептала, что боится, что ей дурно от духоты. Она просила выйти в сад, подышать воздухом. Я помню, как посмотрела на нее сверху вниз, с тем ледяным высокомерием, которое так лелеяла в себе. Как скривила губы.

— Ты хочешь, чтобы я, дочь герцога, тащилась за тобой в сад, как служанка? — мой голос в прошлом был полон яда.
— Иди одна.

Я тогда отвернулась. Мне было плевать. Она была никем. Дочерью обедневшего рода, жалкой приживалкой при дворе. Я не видела в ней человека.

Она ушла одна.

А через час вспыхнул пожар. Огонь запылал в восточном крыле, перекинулся на зал, и началась паника. Люди кричали, давили друг друга. Я бежала, как и все, но в какой-то момент оступилась, упала, и меня понесли ноги обезумевшей толпы. Я помню хруст собственных ребер, помню, как воздух закончился, как сверху давили тела, и последнее, что я видела перед тем, как сознание погасло — это рыжие волосы, мелькнувшие в дыму.

Лисса выжила тогда. Я знаю это обрывком чужой памяти. Она выбралась через сад, где и была. Она не сгорела. Она не задохнулась. А я — я умерла в толпе, которую сама же презирала. Ирония была чудовищной: я погибла не от огня, а от собственного высокомерия, которое не позволило мне просто быть человеком, просто пойти с ней, просто выжить.

А теперь она снова здесь. Стоит у тех же дверей. И в ночи, в темноте зимнего сада, я чувствую — я просто чувствую нутром — что там, за порогом, что-то не так. Тот же запах. Тот же холод. Те же искры, готовые вспыхнуть пламенем.

— Лисса! — мой голос вырвался хриплым, резким шепотом. Я рванула с места, забыв о приличиях, забыв об отце, забыв о принце, забыв о том, что на мне королевская брошь и платье отливающее серебром. Я бежала, как в прошлый раз не бежала. Потому что в прошлый раз мне было плевать. А теперь — нет.

Я схватила ее за руку, когда она уже перешагнула порог.

Она вздрогнула, обернулась, и в свете свечей я увидела ее лицо — бледное, испуганное, с тем же выражением робкой просьбы, что и тогда.

— Леди Ариана? — ее голос дрогнул. — Я... мне стало душно. Я хотела...

— Нет, — оборвала я, и в моем голосе звенела сталь, но это была не сталь высокомерия. Это была сталь отчаянной решимости. — Не ходи туда. Не сейчас. Прошу тебя.

Она замерла, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Я сжимала ее запястье так крепко, что, наверное, останутся синяки. Но я не могла разжать пальцы.

— Там... — я замялась, подбирая слова, которые не звучали бы безумно. — Там пахнет гарью. Я чувствую. В саду что-то не так. Пойдем лучше в малую гостиную, там открыты окна в другую сторону. Воздух свежее.

Это была ложь. Я не знала, свежее ли там воздух. Но я знала одно: она не должна войти в этот сад. Она не должна оставить меня одну в зале, потому что если она уйдет, если я отпущу ее, то история повторится. Может быть, не в деталях. Может быть, по-другому. Но я чувствовала: этот миг — точка бифуркации. Решение «сейчас» делит реальность на живых и мертвых.

Лисса колебалась. Ее взгляд метался между мной и темным проемом двери. А потом она кивнула — неуверенно, но кивнула.

— Хорошо, леди Ариана. Как скажете.

Я выдохнула. Воздух обжег горло. Я разжала пальцы, и Лисса потерла запястье, но не обиженно, а скорее растерянно. Я взяла ее под руку, как подругу, а не как снисходительная госпожа, и повела прочь от дверей.

Мы прошли через боковой коридор, минуя толпу гостей, и я толкнула тяжелую дубовую дверь малой гостиной. Здесь было тихо — лишь потрескивали дрова в камине, да на стенах играли тени от одиноких канделябров. Воздух в комнате стоял спертый, нагретый, но хотя бы не было этой давящей духоты бала, смешанной с потом и духами.

Я подошла к высокому окну, распахнула створки. В лицо ударил холодный вечерний воздух. Я глубоко вдохнула, и на миг показалось, что сердце забилось ровнее.

— Садись сюда, — я указала Лиссе на кресло у окна. — Посиди. Воздух скоро выветрит духоту.

Она послушно опустилась, оправив юбки, и подняла на меня взгляд — все еще растерянный, но уже не испуганный.

— Леди Ариана... вы побледнели. С вами все в порядке?

Я хотела ответить, что да, все хорошо, что я просто устала, что это все вино и нервы. Но в этот момент ветер качнул тяжелую портьеру, и вместе с холодом в комнату вплыл запах. Слабый. Едва уловимый. Но я узнала бы его из тысячи. Гарь.

Где-то далеко, в глубине замка, горело дерево.

— Леди Ариана?

— Останься здесь, — мой голос прозвучал резче, чем я

намеревалась. — Я сейчас вернусь.

— Но что случилось? — она привстала, но я уже двинулась к двери.

— Ничего. Проверю кое-что. Посиди, Лисса. Пожалуйста. Последнее слово вырвалось почти просьбой, и она замерла, не решаясь послушаться. Я выскользнула в коридор и прикрыла за собой дверь.

В коридоре запах был слабее, но стоило мне сделать шаг в сторону главного зала, как он усилился. Тонкий, едкий, въедливый. Я шла, почти бежала, считая повороты. Если моя память не обманывала, пожар в прошлый раз начался в гардеробной восточного крыла — там, где хранились старые шторы и декорации для прошлогоднего маскарада. Масло, ткань, сухое дерево. Достаточно одной искры.

Я завернула за угол — и почти врезалась в него.

Принц Казимир стоял в полумраке коридора, его лицо было напряженным, а глаза — острыми, как лезвие.

— Леди Ариана, — выдохнул он без всякого титулования. — Вы тоже это чувствуете?

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Вы... откуда вы знаете?

— Ваша баронесса, — он мотнул головой в сторону главного зала. — Влетела в зал бледная как полотно, сказала, что вы ощутили запах дыма и ушли в восточное крыло. Я решил проверить, не случилось ли чего.

Я смотрела на него и не верила своим ушам. Лисса пошла

в зал. Она не послушалась меня. Но она пошла не за мной — она пошла за помощью. И нашла его.

— Там, — я указала рукой в конец коридора. — Гардеробная восточного крыла. Я почти уверена, что запах идет оттуда.

Принц шагнул вперед, и теперь мы стояли рядом — двое в полутемном коридоре, разделенные лишь общим пониманием того, что где-то в стенах этого замка уже зарождается беда.

— Вы уверены? — спросил он, и в его голосе не было сомнения, лишь готовность действовать.

— Я готова поклясться, — ответила я. И мы пошли вместе.

Мы шли быстро, почти бежали. Свечи в настенных канделябрах дрожали от наших шагов, тени метались по стенам, как живые. Принц двигался рядом — молчаливый, собранный, каждый его шаг звучал уверенно, хотя коридор становился всё уже, а воздух — тяжелее.

Запах гари усиливался с каждым метром. Теперь его уже нельзя было назвать слабым или едва уловимым — он въедался в ноздри, оседал на языке горькой пылью. Где-то впереди, за поворотом, я уже различала тонкий, призрачный дымок, стелющийся по каменному полу.

— Здесь, — выдохнула я, указывая на массивную дверь гардеробной. Из-под неё, словно змеи, выползали серые ленты дыма. — Замок горячий. Там уже полыхает.

Принц шагнул вперёд, положил ладонь на дверь — и тут же отдёргнул, выругавшись сквозь зубы.

— Металл раскалён. Если откроем — получим стену огня в лицо.

— Но если не открыть... — начала я.

— ...замок сгорит, — закончил он. — Я знаю.

Он огляделся. Взгляд его упал на соседнее помещение, он заскочил в него, и выбежал уже с тяжёлой каминной кочергой.

— Отойди, — приказал он коротко. — К стене. Закрой лицо рукавом.

Я подчинилась. Сердце колотилось где-то в горле. Я прижалась спиной к холодной стене, закрыла рот и нос складками платья. Принц взялся за ручку двери через кочергу, рванул на себя.

Дверь распахнулась — и в лицо ударил жар.

Всё внутри гардеробной было охвачено огнём. Шторы, декорации, старые театральные костюмы — всё пылало с весёлой, ненасытной жадностью. Пламя лизало потолок, перекидывалось на деревянные балки. С треском рухнула одна из полок, рассыпав сноп искр.

— Надо звать слуг! — крикнула я, перекрывая гул огня. — Воду! Людей!

— Не успеем, — ответил принц, не оборачиваясь. Он стоял на пороге, вглядываясь в огонь, и в свете пламени его лицо казалось высеченным из камня. — Если не остановить сей-

час — за полчаса крыло рухнет. Нужно сбить пламя с балок, пока не занялась кровля.

Он шагнул внутрь.

— Нет! — я рванулась за ним, забыв об осторожности, забыв о том, что платье моё — из тонкого шёлка, что оно вспыхнет от одной искры. — Вы не можете! Там обвалится потолок!

— Я знаю, что делаю, — бросил он через плечо, уже подхватывая с пола тяжёлый ковёр, чтобы попытаться сбить пламя. — А вы — уходите. Приведите людей из кухни. Бегом.

Но я не ушла.

Я стояла на пороге, глядя, как он борется с огнём — один, без помощи, без страха. И в какой-то миг что-то над нами жалобно скрипнуло. Я подняла голову.

Горящая балка, объятая пламенем, медленно кренилась вниз. Прямо над принцем.

Времени на крик не осталось.

Балка рухнула с глухим, страшным грохотом, разметав сноп искр и пепла. Я даже не поняла, как оказалась рядом — ноги сами бросили меня вперёд. Я врезалась в принца плечом, толкнула изо всех сил, и мы рухнули в сторону, в облако пыли и дыма.

Горящее дерево ударило в то место, где он стоял секундой раньше.

Я лежала на полу, придавленная тяжестью его тела, задыхаясь от дыма и жара, чувствуя, как пламя дышит где-то со-

всем рядом. Надо мной — его лицо, перепачканное сажей, с бешеными, живыми глазами.

— Вы... — выдохнул он, и в голосе его не было злости. Было что-то другое. Что-то, от чего у меня перехватило дыхание сильнее, чем от дыма. — Вы толкнули меня.

— Вы бы погибли, — прошептала я.

Он смотрел на меня ещё миг — бесконечный миг, в котором не было ни огня, ни грохота, ни конца света. А затем сверху, с потолка, донёлся новый, леденящий душу звук.

Треск.

Медленный. Нарастающий.

Я подняла взгляд — и увидела, как ещё одна балка, уже вся в огне, начала крениться. На этот раз — прямо на нас.

Глава 7.

Треск нарастал, превращаясь в низкий, угрожающий гул. Я видела, как балка кренится — медленно, неумолимо, будто само время растянулось, чтобы мы успели осознать всю безнадёжность положения. Пламя уже лизало её по всей длине, и падать она должна была ровно на нас.

Я зажмурилась.

Но вместо удара — резкий рывок. Сильные руки схватили меня за талию, дёрнули, перекатывая через каменный пол. Я почувствовала, как мир кувыркнулся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.